

ISSN: 2229-7146

**A Journal of the
Centre of Russian Studies
No. 12 (Vol. II), 2014**

CRITIC

Jawaharlal Nehru University

CRITIC

A Journal of the Centre of Russian Studies

No. 12 (Vol.II)

2014

Jawaharlal Nehru University

Critic No.12 (II), 2014

CRITIC

No.12 (Vol.), 2014

©2014, Centre of Russian Studies, SLL&CS, JNU

ISSN: 2229-7146

EDITORS

Prof. Nasar Shakeel Roomi

Dr. Kiran Singh Verma

Mr. Ajoy Kumar Karnati

Mr. Sonu Saini

Critic is a publication of the Centre of Russian Studies. It publishes articles in the field of Russian language, translation, literature, culture, society and comparative studies. Articles in the journal reflect the views of the authors only.

Editors' Note

In view of overwhelming response from the authors we are happy to publish the journal *Critic* in two volumes. This is the Volume-II of 12th issue of the *Critic*. All the articles are processed through Turnitin software in order to find originality and authenticity of the articles. The selected articles have successfully processed through the originality test and fulfilled the criteria of the editorial board.

In this volume there are 13 articles on linguistics, literature and culture along with a book review.

Galina Kalitkina in her article entitled “Conceptualisation of the knowledge and ethos of Russian traditional culture”, emphasises that the concept actualizes in the dialect discourse that not only shows ethos and ethics of a traditional culture, but also smoothes their rigid moral orders. Since turning knowledge into an action is important for a traditional culture, differences in the content of concepts expressed by these homonyms are proved by predicates of «speaking» used by their describing and valency complementation of the predicate to «know». O.S.Mikhailova’s article is devoted to analysis of problems of individual style in aspect of the theory of the motivation developed by experts of Tomsk linguistic school. G.I.Kolosova has brought to the notice of readers the bibliographic analysis of the collection of literary almanacs from the first half of XIX century, published in Russia and being part of A.V. Nikitenko’s book collection. E.A. Makarova’s paper is features the system analyses of the source material, especially the series of Siberian literary collections, discovered in the course of research, which has been introduced into scientific use and included into the upcoming bibliographic inventory.

T.A Kostyukova and T.P Simakova in their joint article are examining the current situation in the relations between the family and the educational institution and the possibility of its conscious, active and responsible participation in the educational process. Shyama Jhoshi’s article entitled, “Sign numerals 1, 2, 3, 5, 7 in the phraseology of Russian and Hindi”, is analysing linguo-culturological

peculiarities of these sign numerals in a contrastive point of view. Subhash Kumar Thakur, in his article, has made an attempt at analysing the stories of Vasily Shukshin and Phanishwarnath Renu in reflecting the village life and the life of common village toilers and also the mutual relations between a city and a village. Ranjana Banerjee emphasises the importance of travelogues, which have played a key role in the field of cross-cultural studies through the ages. This very form of literature based on factual journeys serves as one of the primary mediums of information, be it historical, geographical or topographical and various more, for various fields of studies, primarily comparative literary studies. Megha Pansare's article talks about Lev Nikolayevich Tolstoy in Marathi Polysystem. Vinay Kumar Ambedkar's article on New Realism in Roman Senchin's *Minus*, explains how difficult, tough, hard and painful their lives have become in post soviet Russia and how their parents survived ?. In a way Roman Senchin is criticizing the system and looking for reasons why people are left alone in vain?

Kaushal Kishore describes speech etiquette formulae, particularly address forms in Russian language, show the speaker-addressee relationship. Indu Shekhar's paper touches up on the concepts of "Khudozhestvennost'" and "middl literatura". In reviewing a book «Русский с алфавита» – by V. G. Budai, J. Raghuvanshi, Sh. Joshi, Meeta Narain talks about the book briefly by giving short description various chapters and the way the material has been presented in the book.

We would like to thank all the contributors for their timely cooperation in making the second volume of the 12th issue of Critic a possibility. We would also like to thank all the colleagues as well as the office staff of CRS and the JNU administration, especially the finance section for their help and support in bringing out this journal.

CONTENTS

S.No	Author	Title	Page
	<i>Editors' Note</i>		3
1.	<i>Kalitkina G.V. (Калиткина Г.В.)</i>	Концептуализация знания и этос русской традиционной культуры	6
2.	<i>Mikhailova O.S. (Михайлова О.С.)</i>	Идиостиль в аспекте теории мотивации	16
3.	<i>Kolosova G.I. (Колосова Г.И.)</i>	Коллекция литературных альманахов первой половины XIX столетия в книжном собрании А.В. Никитенко, хранящемся в Научной библиотеке Томского государственного университета	20
4.	<i>Makarova E.A. (Макарова Е.А.)</i>	Литературно-художественные сборники Томска рубежа XIX–XX в. в контексте развития регионального книжного дела	31
5.	<i>Kostyukova T.A., Simakova T.P. (Костюкова Т. А., Симакова Т. П.)</i>	Образовательное учреждение как пространство субъектной активности современной семьи	43
6.	<i>Shyama Joshi (Шьяма Джоши)</i>	Знаковые числа 1, 2, 3, 5, 7 во фразеологии русского и языка хинди	47
7.	<i>Thakur S.K. (Тхакур С.К.)</i>	«Бытописатели» русской и индийской деревни: Шукшин и Рену	50
8.	<i>Ranjana Banerjee</i>	The Image of India in the Travelogue of Elena Blavatskaya “From the Caves and Jungles of Hindostan”	55
9.	<i>Megha Pansare</i>	Lev Nikolayevich Tolstoy in Marathi Polysystem	61
10.	<i>Vinay Kumar Ambedkar</i>	New Realism in Roman Senchin`s Minus	70
11.	<i>Kaushal Kishore</i>	Sociological Perspective in the Context of Usages of Address forms in Russian Language	74
12.	<i>Indu Shekhar</i>	Lotman, «khudozhestvennost'» and Middl Literature	79
13.	<i>Muma Нараян (Meeta Narain)</i>	«Русский с алфавита» – V. G. Budai, J. Raghuvanshi, Sh. Joshi Приложение к учебнику «Русский с алфавита»: Практический курс русского языка: Grammatical Commentary and Russian- English Dictionary व्याकरणिक टिप्पणियां एवं रूसी-हिंदी शब्दकोश	86

CONTRIBUTORS

Концептуализация знания и этос русской традиционной культуры

Kalitkina G.V. (Калиткина Г.В.)

The conceptual field «knowledge» helps to find out and describe the unique concept of the Russian traditional culture «Old People», «The Ancients». «Old People» preserve a specific knowledge characterized by the absolute fullness. It doesn't refer to an ordinary person or members of his «we-group». The concept actualizes in the dialect discourse that not only shows ethos and ethics of a traditional culture, but also smoothes their rigid moral orders. The analysis of the dialectal semantic system (their vocabulary and grammar) proves that the words «old people», «the ancients» name not only bearers of the absolute knowledge, but also ordinary old people. Since turning knowledge into an action is important for a traditional culture, differences in the content of concepts expressed by these homonyms are proved by predicates of «speaking» used by their describing and valency complementation of the predicate to «know».

Диалектный дискурс соотносится с формами восприятия и сознания и материальными условиями жизни, в первую очередь, крестьянства – части тех «маленьких», «простых», «рядовых» людей, которые обычно остаются безымянными для общества. Принято считать, что именно крестьяне являются основными носителями традиционной культуры, которая, даже потеряв в XX столетии свою целостность, и поныне концентрирует многие национальные черты.

Диалектный дискурс по большей части погружен в повседневное существование, «заботы о хлебе насущном», и для него не актуальны высокие абстракции и теоретическая рефлексия над ценностями и смыслами культуры. И все же ее установки и нормы пронизывают дискурсивную практику и такого рода. Методологическим ключом к их объективации является, на наш взгляд, введенное еще А. Кребером понятие этоса. Сейчас антропологи определяют этот термин как «описание внешним наблюдателем того, каким образом представители данного народа судят, что хорошо и что плохо. Люди сами могут отдавать себе в этом отчет, но по большей части это безотчетно присутствует в их обыденной жизни со всеми ее поворотами. [...] Этос есть система открытых и подсознательных суждений, характерных для данной группы»¹.

Рассмотрим под этим углом зрения концептуальный слой «знание», отраженный русскими говорами и мотивами диалектного дискурса.

«Входами» в концепт «знание» служат индоевропейские корни **ǵeid-* // **ǵid-* и **ǵnō-*. По мнению Ю.С. Степанова, они изначально разграничивали знание земное, человеческое, способное быть истинным или ложным, и знание божественное. «Знание, выраженное посредством корня *зна-*, относится к высшей сфере, к «мудрости»; поэтому *знахарь* означает «знающий человек», «лекарь», «добрый колдун». Напротив, знание-ведение, от корня *вѣд-*, относится к земной, бытовой сфере. В новгородских

¹ Цит. по: Редфилд Р. Малое сообщество. Крестьянское общество и культура // Отечественная история. – 1994. № 6. – С. 10.

берестяных грамотах, содержание которых – быт и повседневная жизнь, почти никогда не употребляется *знать*, только – *вѣдать*. В отличие от *знахаря, ведун, ведьма* – ‘злые колдуны’»². Это различие двух корней и двух рядов производных от них сохранялось в древнерусский период. Применительно к синхронному состоянию русского языка Ю.С. Степанов указывает на разницу в семантике глаголов *познать* и *поведать*.

Впрочем, была высказана и противоположная гипотеза: «Особенно ценится знание, полученное неэмпирическим путем, в частности от высшей силы. [...] Отчетливее этот аспект знания представлен в глаголе *ведать*₃ и в классе этимологически родственных ему слов типа *вещун, вещей, Благовещение* и т.п., в значение которых входит указание на провидческий или мистический характер знания или на то, что обладатель знания получил его от высшей силы»³. Однако если обратиться к диалектной лексике (*ведок*⁴ ‘свидетель’, *ведом / ведомо, ведомость* ‘известие, сообщение’) и к контекстам актуализации (*Не вем, кому собираю [имуущество], сами обои хилы. Платьев много было раньше, он лежат, лежат, так с тем и долежались, не вем, кому копим*), то вряд ли можно говорить о сверхчувственном характере обозначаемого знания. Стоит ли на этом основании отрицать разнородность элементов указанной концептуальной области русской традиционной культуры? Подобное решение выглядит поспешным.

Семантическая система диалекта показывает, что для традиционной культуры важно знание, которое перерастает в деятельность и обеспечивает ее успешность. Так, из 10 диалектных значений глагола *знать*, которые фиксирует сводный «Словарь русских народных говоров», два включают семантический компонент ‘уметь’ (*В город уехала и антеллигент стала: уж и корову боится подоить, и по крестьянству ничё не знает; Кто знает ловить, тот и удочку принесёт*), и еще одно – компонент ‘делать’. Данные семы характерны для тверского девербатива *знайка* ‘тот, кто умеет что-л. делать’ и красноярского – *знание* ‘работа, дело’. В ряде говоров функционируют варианты устойчивого сочетания *известное дело* со значениями ‘известно, ясно’ и ‘конечно, разумеется’: *Знамо дело, баба должна слушаться мужа; Завтре приду, знакомо дело, не сегодни; Зналое дело; Знатное дело, дитёнка жалко было*. Одновременно ряд диалектных словарей лексикографируют ЛСВ глагола *уметь* ‘знать’: *Я не умею ни одной буквы; Всяки-разны песни умели, всё это было*.

Кроме того, применительно к общерусскому языку Н.Д. Арутюнова отметила: «Когда имеется в виду знание о себе, глагол *знать* регулярно приобретает значение ‘помнить’, иногда осложненное прагматической коннотацией»⁵. Это характерно и для территориальных говоров русского языка: *Кода он умер, я вот не знаю. Вот я не помню*. Как видим, замыкается

² Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2001. – С. 465.

³ Апресян Ю.Д. Знание // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М., 2003. – Т. 3. – С. 132-133.

⁴ Диалектные примеры извлечены из 43-х томов сводного «Словаря русских народных говоров» (М., 1965-2010), а также из Среднеобского диалектного архива Томского государственного университета (1947-2012).

⁵ Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988. – С. 125.

область предикатов, которые связывают проявление и использование интеллекта, порождающего знание-умение, знание-понимание, знание-эрудицию.

Гетерогенность знания вновь вскрывают номинации посвященных, обладающих им. Имена знатоков оказываются слишком несходными по многим основаниям.

Вначале обратимся к классу обозначений, которые создаются по формуле «старый + номинация по профессии» и имплицитно сему 'знание'. Лингвокультура демонстрирует, что бытовое, профанное знание фактуально, оно неоднократно проверено. Поэтому умелец, под маской которого скрывается знаток, многоопытен, он не может быть молодым. Его молодость трактуется в диалектном дискурсе как искажение культурной нормы: *Восемнадцать лет сравнялось, поставили бригадиром. Ну, чё я науковожу? Против стариков-то сопляк! Ну, правильно?* В дискурсивной практике темпоральное определение *старый* может заменяться близкими синонимами. Однако они по-прежнему характеризуют не возраст человека, а его профессиональный стаж: *Всё равно приглашали его как старого партиёца; Ну конечно. Я не боюсь. Я старый моряк. Я на Чукотке служил; Отец пимокат старинный, пимы хоть как-то накачат; Николай Прокопич – давнишний печник.* Такие имена посвященных мало интересны для дальнейшего анализа, однако уже они подчеркивают темпоральную составляющую концептосферы «знание».

Если же обратиться к именам, где номинативным признаком стало именно владение / невладение знанием, то станет очевидно: говоры выработали и до сих пор сохраняют широкий спектр лексем. Впрочем, полюса оценочной шкалы всегда оязыковляются неравномерно. Данный принцип торжествует и здесь. «Человек незнающий» представлен скудно: например, в говорах Среднего Приобья функционирует только одно имя (*Незнамого заведи, дак заблудится, всё равно как в тайге*). Зато на знатока в разных диалектных системах указывают единицы *ведей, ведёма, ведуница, ведьмовице, ведьмак / ведьмачка, ведьмица; знакуля / знакуля, знат, знатец, знатка, знаха, знахарница, знаткой, знатливый, знатник, знатный*.

Большинство перечисленных имен является полисемантами. С известной долей обобщения их лексико-семантические варианты можно сформулировать как (1) 'опытный, сведущий человек' и (2) 'человек, знающий необщедоступные приемы воздействия на мир'. Так, первый лексико-семантический вариант актуализуется диалектоносителями нечасто: *А там врач татарочка, она так, знахарь-то, наверно, шибко хороший. Ну серьёзна она так. «Вы чё сёдня ели?» – [спрашивает]. – Я говорю: «Да шибко-то не ела, говорю, пряничек съела один». – «А пряники совсем вам вредно ись»; Выбирать серпы да косы он знахарь: небось, худые не купить; Председателем надо знмого по сельскому хозяйству.*

Более востребованные лексико-семантические варианты второго типа граничат с общерусской лексической парадигмой *колдун, кудесник, волхв, чародей, волшебник, маг, чернокнижник*. Для диалектного дискурса ее члены не актуальны, за исключением *колдуна (колдуньи)*. Колдун и

колдунья являются персонажами многих жанров классического фольклора, до сих пор бытующих на селе: *Но всё равно есь ешо колдуны, которы могут. Но мало. Здесь счас нету, не слыхать, а до этого, в те года ешо, давно уж таперь, лет двадцать тому назад, было ешо. Старухи всяки свиньями да овечками делались. Вот сделатся и ночью бежит. А ребяты идут, она вот бежит, так вот поддевает носом, поддевает. Знали, что садись на неё верхом. Вот свинья у нас одна бегала. Старуха свиньёй делалась. Сел один парень, отчаянный был уже. Невесту свою на дороге оставил, сел на её верхом, за уши как будто [держал] и давай её хлестать. А назавтре узнали, хто это ходил. Старуха одна лежала хворала, вся опухла вот так. Мордуто он ей разбил. Вот так вот эта была. Всякой гадости было [раньше].*

Имя *чернокнижник* (*чернокнижница*) отсылает к записанному знанию, отсюда и его метафоризация в говорах, которая дает лексико-семантический вариант 'грамотный': *Мать посылат в школу, а бабка кричит: «Ну, будет вот чернокнижница, женихам письма писать будет».* Прочие собственно диалектные обозначения носителей этого вида знания встречаются редко: *Наводники были. Ничё вроде не делали, а девку одну в могилу загнали; Дружка доки, ворота заломят [запрут], и не дадут [проехать], пока их не угостят.*

Итак, значительная часть приведенных имен обозначает людей, владеющих тем знанием, которое делает возможным специфическое и одновременно не контролируемое непосвященными профанами воздействие на жизнь сообщества (реже и природы).

В 1999 г. Ю.Д. Апресян⁶ рассмотрел способы заполнения в общенациональном языке валентности предиката *знать*, связанной с содержанием знания: это предикатные существительные, сентенциальные местоименные существительные типа *что-то, нечто, это, одно, всё*, а также придаточные предложения. Можно ли говорить о специфике актуализации предикатов, описывающих знание указанного рода?

Диалектный материал показывает, что придаточные предложения характерны для случаев, когда говорящий настаивает на своем невладении знанием: *Бороду [связанные колосья], гыт оставлять надо. А чё, на чё – не знаю; Говорят, говорят: «Такой морозца кляшиый», – а чё тако «кляшиый» – не знаю.* Существительные конкретизируют почти исключительно содержание «светлой стороны» тайного знания: *Пошла к одному старичку: он сны знал; У, леший этого старика! Он все закуки [приметы, поверья, ворожбу, колдовство] знает.* Пограничным представляется следующий контекст, в котором диалектоноситель описывает уже деструктивное знание, которое чаще всего соотносится с «зоной молчания» культуры: *Порча на скота есь, на людей тоже. Раньше были такц люди, которы слова знали мудрёные. Положат на человека их, ну, значит, говорить об нём будут и спорют.*

⁶ Апресян Ю.Д. Знать 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М., 1999. – Т. 1. – С. 129-137.

Чем более закрытым от профанов является содержание знания, тем чаще глагол *знать* не реализует рассматриваемую валентность или реализует ее формально, что только подчёркивает необщедоступность информации. Предельный случай – когда содержанием знания являются магические практики: *Не знаю, как, верят, может быть, люди [в колдовство]. А может, знают чё. А я ничё не знаю; Вот она, наверно... Она знала маленько чё, наверно. А я дак ничё не знаю.*

Лексико-семантический вариант *знать* ‘быть колдуном’ вообще не имеет валентности на содержание знания: *Ране-то на самом деле знали, от были таки люди правда, от они знали. А счас-то чё, только она деньги собирают; Она мне и говорит: «Полюшка, она ведь знает, эта женищина-то»; У нас баба через два двора – она знала. Босиком будет ходить, змея нипочём не укусит; Мужики, которы знали, делали.*

Глагол *делать* в последнем тексте обозначает влияние на окружающий мир при помощи потаенных знаний. Таким образом, культура в равной мере табуирует⁷ упоминание содержания теории (*знать*) и практики (*делать, мочь*): *На смерть делала. Да, может, она и мне делала? [...] Плохо жили с мужем. Может, поэтому что; Но всё равно есь ещю колдуны, которы могут. Но мало.*

Богатый материалами Среднеобский диалектный архив располагает единичными текстами, в которых заполняется валентность на «содержание деятельности» подобного рода: *Бесовщина была. Он чертовщину одну рассказывают: он хотел ему сделать обузу. Берёт ружьё, заредил, он идёт, в переднем углу стоит мать. Он ружьё бросил – и бежать... Как он хватанул, двери с крючьев сорвал и кричит: «Саня, иди скорей за мамонькой, пусть меня басловит».* Несколько чаще встречаются примеры заполнения валентности на «объект деятельности»: *А одна вот была у нас в деревне – её называли ведьмой. Она тоже ворожила. Она умела колдовать: как вот корову там сделать, молоко отбирала, и людям колдовала. У одной она, ну как вот сказать, своей родне сделала одной, что у неё ноги заболели.*

В целом же диалектная языковая картина мира свидетельствует, что знание, выходящее за пределы профессии, даже оставаясь узким, злободневным, сиюминутным, не является атрибутом этого мира, а человек не может быть его носителем. Это демонстрирует класс имен «посвященных», входящих в формулу «**N [тебя, его, её, их] знает**».

Чуждые человеку носители знания вступают в яркую семиотическую оппозицию, пронизанную отсветами христианского вероучения, преломленного через призму крестьянской традиционной культуры: *И вот сейчас ей вставили один глаз, сделали ипердцию, какой-то стеклянный вставляют. Вставила, Бог его знает, как она себя выдержит; [Почему край*

⁷ «Словарь русских народных говоров» приводит выдержку из этнографического комментария, написанного в 1897 г. в Вятской губернии неким Мокаренко, к понятию «деланные родовые муки». Текст характеризуется столь же ярким табуированием информации: «Происходит будто бы с женщинами небеременными и даже с мужиками оттого, что «их могут делать, – есть такие люди»; избавиться от них можно, если найдешь того, кто «снять может». Словарь русских народных говоров. – М., 1970. Т. 4. С. 340.

села называется Горёвка?] А Бог её знает! Наверно, там-ка бедно жили все, в горе; И медведь спал! Бог знает, где он в тайге в капкан попал; А сколь лиса живёт, Бог его знает, не знаю, матушка; Брагу-то – чёрт вас знает, из чего вы наделали; Ноет и ноет нога – чёрт её знает, чё ей надо. Не знаю; Думал, думал, чёрт его знает, какой у него [насоса] принцип; Кадки делал бондарь, там тоже струмент. У меня этого струмента чёрт те знает скоко; «Зверцно» мясо говорили, не «медвежье», а чёрт знает [почему] – так говорили; Лешак их знают, куды они отсель ушли; Чё ты за дура така, Ирка? Леший тебя знает, прямо одни двойки получаешь! Ты поди на уроках спишь?

Диалектная языковая картина мира репрезентирует еще две ипостаси знающего чужака – это *цут*, *дур* (возможно, аналоги Петрушки, а возможно, и нечистой силы). Носителями знания выступают и персонифицированные напасти: *Холера их знает, русски или чувашки ли они; Сип её знает, на чём возили воду; Родимец её знает, что она на него лается; Паралк их знает, где они. Там ныне комаря огребные, не продыхнёшь, какие комары. Паралк их знают!; Можесть, и женился, колотьё его знает.*

Полнота доступного людям надбытового знания также коррелирует со степенью их отчуждения от общины. Круг людей, обладающих в крестьянских глазах статусом «чуженинушки чуж-чуженина» убедительно описан российскими фольклористами при анализе мира-перевертыша – мира райка, балагана, святочного и масленичного ряжения. Социальное, профессиональное и этническое иномирие для крестьян воплощали маски барина, солдата, мельника, коновала, шерстобита, Петрушки, цыгана, немца, арапа, турка, нищего, калеки, «дорожных людей». Исследователи единодушно упоминают в этом ряду образов старика (старуху). При этом в качестве причины отчуждения в этом случае В.Я. Пропп⁸ подчеркивает возрастной параметр: старики не входят в круг деревенской молодёжи, всегда составлявшей основную массу празднующих. А.К. Байбурин⁹ мотивирует чуждость образ старика (старухи) имманентно присущей ему символикой «мира мертвых». Сошлемся также на положения двух относительно новых работ: Т.Б. Щепанская¹⁰ полагает, что «людям дорог» традиционная культура не только приписывала, но и предписывала возрастной статус стариков¹¹ в связи с их «отклонением от нормальной репродуктивной траектории». Эта же норма может быть вычленена и в религиозной картине мира: старцы, наряду с пророками, апостолами, исповедниками, мучениками и др., составляют сонм общероссийских святых. «Православие сформировало институт духовного руководства ближними под термином *старчество*. Старчествовать могла и женщина»¹². Святость не может не отчуждаться от мира обычных людей, хотя и служит

⁸ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. – М., 1963. – 188 с.

⁹ Байбурин А.К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – М., 1990. – С. 3-17.

¹⁰ Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX – XX вв. – М., 2003. – 526 с.

¹¹ См. также Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978. – Т. 4. – С. 317.

¹² Завьялова Е.В. Институт старчества в истории Русской православной Церкви // Человек в пространстве и времени культуры. – Барнаул, Рубцовск, 2008. – С. 415, 417.

для них нравственным ориентиром. Итак, перечисленные факторы способствовали формированию еще одного концепта знатока, посвященного. По сравнению с другими культурно отмеченными ментальными образованиями данной области в его содержании максимально велика доля темпоральных смыслов.

На этом этапе обратимся к анализу устойчивых дискурсивных мотивов, которые реализуются в «скрытых и открытых суждениях народа» о знатоках под именами «старые люди», «старинные люди» или «старики». Хотя эти имена омонимичны с номинациями обычных людей преклонного возраста, дискурсивные данные вполне позволяют различить их содержание.

Лейтмотивом культуры можно считать текст, который записывают с незначительными вариациями в каждой диалектологической экспедиции. Приведем вариант, зафиксированный в с. Вершинино Томского района Томской области летом 1986 г.: *«**Это, может, старики знают, а мы не знали такого понятия**»*. Смысловое содержание этого контекста видится в отделении, отчуждении себя и своей «мы-группы» от знания и от его носителей¹³.

Причина невладения знанием «рядового человек» представлена в диалектном дискурсе всегда объективно и реалистично: *Вечёрну звёздочку не знай, как звать: неграмотный я; Я разве скажу? Пошто не помню, неучёна. И раньше ученье-то како? До четырёх [классов] учили; Моя грамота один класс, только знаю крестьянство.*

Однако компетенция знающих никак не детерминируется законами умопостигаемого мира: *Вот Иван Васильевич всё знал. А у его, Господи, какой он грамотный? Грамоты у его не было: тогда же учились самоучками; Были старые люди, которые наперёд всё знали; У нас одна старушка-кержачка была – всё про эту жизнь знала; А у нас старушка была. Тут жила, неграмотна. Всю про эту жись знала. И неграмотна была, и всю правду говорила; А мы [тогда] всё грели: чего эт она знат! [...] И мы ещё говорим: правду старухи говорили про эту жись, а мы тоже не верили, что неужели така жись будет.*

Как видим, знание «старых людей» оказывается особым. Оно обладает абсолютной полнотой. В его дискурсивных описаниях квантор *всё* (реже – *всегда*) актуализует когнитивную модель генерализации: знание представлено всеохватным, отличным от относительного и фрагментарного знания обычного человека. Более того, это знание обязательно соотносится с категорией «правды». Таким образом, участники дискурса эксплицируют этическую составляющую данного концепта. Вопрос о ее национальном

¹³ Приведем сделанную в 2007 г. запись А.С. Климовой, которая в рассказе о знатоке удовлетворяет все основные требования культурной традиции, приписывая ему чуждость, старость и правдивость. Отчуждение знатока достигается исключением его из физического пространства «мы-группы»: *Ворожка вот была в деревне там. Наверно восемь километров вот к ей все ходили гадали. И она отгадывала, ворожка эта. [...] Так правда была всё. Но её давно уже нет. Это давно было. Она и в то время стара была. Она отгадывала. Люди ездили к ей. Угадывала. Сдалека ездили.*

своеобразии тем не менее остается открытым, поскольку в одной из ранних работ А. Вежбицкая предложила сопоставимую декомпозицию польского глагола *wiedzieć* ‘знать’ = ‘мочь сказать (правду)’¹⁴.

«Правда» / «неправда» – это основные истинностные оценки в повседневных речевых актах, но при этом «в эпистемическом контексте правда не может относиться к новым данным, она может относиться только к новой для одних, но известной другим (или ранее бывшей известной) информации», – пишет Н.Д. Арутюнова¹⁵. Этос русской традиционной культуры отражен в постулате «**старые люди знают правду**».

Источник знания и процесс овладения им настолько удалены из фокуса внимания, что нельзя говорить даже об их рациональном или трансцендентном (провидческом, сверхчувственном) характере. Единицы типа *осенило, озарило, дошло*, функционирующие в других дискурсах и, казалось бы, отражающие «неагентивность», «неподвластность человеку хода событий», которая присуща семантическому универсуму русского языка (см. работы А. Вежбицкой, Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева и др.), остаются не характерными для диалектного текста. Диалектный дискурс не знает и мотива получения «старыми людьми» своего знания от их предшественников.

Традиционная культура концептуализирует знание совершенно иначе, чем наука. Во-первых, знание для нее неразрывно связано с его носителями, во-вторых, с содержательной стороны никому доселе неизвестное менее важно, чем то, что ведомо и одновременно таймо. Если цель науки – получить новое знание, открыть его, обнаружить, выявить, найти – иными словами, **узнать**, то цель традиционной культуры – (пред)явить и (об)явить ведомое, **знаемое**. Таким образом, главный способ обращения с заветным (оберегаемым) знанием – обнародование, поскольку подобные сведения нельзя получить самостоятельно или от кого-то другого помимо знающих людей. О.Чокроборти остроумно подчеркнул тот факт, что знание некоторых вещей вообще приобретает не иначе, как только через свидетельство знатока¹⁶.

«Старые люди» открывают и передают свое знание членам общины сугубо вербально. Поверхностно механизм трансмиссии описывается в дискурсе как двухчастный, и в нем выделяется «запрос» и «отклик». И в общерусском языке, и в разных диалектных системах хорошо развиты лексические парадигмы, члены которых имеют семантические компоненты ‘обращаться к кому-либо, желая узнать что-либо; осведомляться’. Тем не менее для описания речеповеденческого акта «обращение к носителям знания» в диалектном дискурсе актуален только один глагол: *Старинных людей*,

¹⁴ Ю.Д. Апресян нашел данную декомпозицию уязвимой на том основании, что она не охватывает знание высших животных, а семантическая структура *правды* оказывается более сложной. В результате он признает лексико-семантический вариант «*знать*», семантическим примитивом, как, впрочем, и сама А. Вежбицкая в более поздних работах.

¹⁵ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – С. 598.

¹⁶ Чокроборти О. Мне сказал знаток, поэтому я знаю: передача знания (pramā) через свидетельство в классической индийской и в современной западной эпистемологии // Вопросы философии. – 2007. № 2. – С. 20-34.

постарше надо спрашивать; Так это надо старых жителей спрашивать; Стариков-от не интересовались спросить, дураки. Красноречива синонимичность лексем *спросить*₁ (*спрашивать*₁) и *узнать*₁ (*узнавать*₁) ‘спросить, осведомиться’, которая вскрывает «неновизну» искомого знания, обладание им каких-то других людей.

Вторичная (глубинная) интерпретация, то есть трактовка профаном механизма первичной интерпретации мира «старыми людьми», еще резче подчеркивает их отличие от общины. В ответ на вопросы и просьбы (или независимо от них?) «старые люди» *говорили, рассказывали, (об)сказывали*, открывая заветное. Напомним об идее А. Вежибицкой: ‘знать’ = ‘мочь сказать (правду)’. Она представляется чрезвычайно удачной: в первый раз нас привлекал в ней семантический компонент ‘правда’, теперь же – ‘сказать’.

Область актуальных предикатов для передачи знания «старых людей» вновь, как видим, невероятно узка по сравнению с объемом всего класса глаголов говорения – требования, сообщения и / или утаивания информации – в славянских языках в целом, в русском литературном языке и территориальных говорах. Передача же профанного знания, которым владеет лично диалектоноситель или члены его «мы-группы», описывается, как правило, очень своеобразными предикатами. Отнесение их к собственно глаголам говорения небесспорно: некоторые авторы считают данные единицы глаголами речевого поведения.

Можно привести репрезентативный корпус примеров, записанных в ситуации беседы немолодых сельчан с приехавшими диалектологами. Условия аргіогі исключают «высокую степень подобия сторон общения». Информанты предполагают несовпадение своих знаний и ценностей со знаниями и ценностями исследователей в силу возраста и инокультурной принадлежности, а чаще даже уверены в таком несовпадении. Не совпадают и коммуникативные роли: одни порождают запрос, другие предьявляют свои знания:

Старинные песни спрашивают. Буробим старые; Чё тебе ешио [сказать]? Забываю, чё и бормочу; Рая была тут. Она бы ешио нагородила; Это старик вам набакат [наговорит]; Вот мать мою испроси, она что-нибудь набаалакает вам; А тот год девки приезжали, уж я им наговорила, уж я наговорила. Они прехохотались надо мной; К Анне Абросимовне идите. Она вам наболтат; Мы уже всем всё выбрехали, и к лету-то не накопим брехать; Дак а чё мы будем вам калякать, мы не знам ничё; Я ему расписала тою германскую войну; А вот вы к снохе моей сходите, та уж вам набалагурит; Мы на два журнала мелем; Ну вот я вам сколько наглаголил; И так вам нахлопала чё попало; Ну, чё ещё балякать будешь?; Чего от она-то знат, чего вам собирают?; Сходите к Христине, она вам всё про ягоды и грибы расписует; Сбуровила вам, не подумав; А за что тут спасибо – барабонь да барабонь, что знала, то рассказала; Не слушайте его, он натрехомудил вам что попало, одна брехотня; Да не пиши ты, что вы ей всякую ерунду брудыхаете?; Во, сколько время стоят и балатрясничают, балоболют; Он тебе нагородит; К той-то бабке ходили, дак чего она вам набалаголила? Уж больно разговористая старуха-то;

Смотритё за ними, а то не то набалдякают; Мы, старухи, много налепцем, вы записывайте; Уж много я налепетала вам про старое; Сходите вон к той бдушке, она вам много навталкивает; Позвали бы, так она бы побрякала [вам]; Она вам сколемесит чё-нибудь; Трёкам мы уж тут долго, девки, может, и не так чё, а вы всё пишете кого-то; Небывалец ему попадётся, день хлопать будет. Вы с им поосторожней.

Лексическое значение большинства актуализуемых предикатов не указывает на преднамеренную ложь, но предполагает невысокую ценность информации или ее ненамеренное искажение говорящим вследствие ошибки или заблуждения. Некоторые из глаголов обозначают отступление от правды с целью развлечения либо из-за ее незнания. В пространстве русского морального сознания все эти действия намного ниже «говoreния правды».

Очевидно, что носитель русской культуры, даже будучи компетентным в ее традиции и владения неким знанием, испытывает давление этической нормы культуры. Независимо от своего возраста он не может быть «старым (старинным) человеком», поскольку община соглашается на данный статус только после ухода человека в небытие, его перехода в категорию чужака. Член «мы-группы» всегда остается профаном в ее глазах.

В диалектном дискурсе мотив владения / невладения знанием оказывается разработанным, коммуникативно выделенным. При этом знание концептуализировано как бытовое, действенное и как надбытовое, моральное. Посвященные, использующие знание во благо / зло миру и людям, не знают правды. Их знание всего лишь полезно / вредно, то есть утилитарно, знание «старых людей» правдиво. Это разные плоскости интерпретации

Вполне очевидно, что нравственное сознание и практика тесно связаны с речью. Прямое выражение и передача морали происходит в рамках специфических речевых жанров (поучений, притч, наказов, заповедей, требований, предписаний и т.д.), которые вряд ли характерны для диалектного дискурса. Традиционная культура посредством концепта «старые люди» не только эксплицирует этос и этику, но и смягчает степень их категоричности.

Идиостиль в аспекте теории мотивации

Mikhailova O.S. (Михайлова О.С.)

Article is devoted to analysis problems of individual style in aspect of the theory of the motivation developed by scientists Tomsk linguistic school (Russia, Tomsk). The analysis of individual style means at the first stage identification of various methods of use of motivation in author's texts, and also their quantitative calculation. At the subsequent stages research of art functions of motivational receptions which generalization allows to make a picture of individual art style is supposed. The final stage of research proving originality and identity of author's approach to use of art potential of motivation is the comparative analysis

Теория лексической мотивации, или мотивология, как новое научное направление заявила о себе в начале 70-х гг. В центре ее внимания – одно из ведущих лексических явлений языка – явление мотивации слов.

Мотивация представляет собой связь между словами, которая обнаруживает их мотивированность, понимаемую как свойство слова, позволяющее осознать взаимообусловленность его значения и звучания на основе соотносительности с языковой или неязыковой действительностью [Блинова 2005: 45].

Мотивационно связанные слова, таким образом, понимаются как комплексная лексическая единица, состоящая из двух и более элементов, вследствие чего они способны нести смысловую нагрузку, несводимую к семантике отдельных слов. Мотивационный повтор в художественном тексте акцентирует те или иные формально-семантические компоненты слова, что оказывает влияние на смысловой объем слова, части текста или даже целого текста, создавая «эффект семантической многомерности» за счет взаимодействия лексического и актуализированного мотивационного значения.

Например: *Робкие юноши,/ вам проповедую:/ вы прорывайтесь/ в эпоху стремглав,/ ветер истории - / на поветрия/ или на ветренность/ не разменяв (Завтрашний ветер, 1977)*. В данном случае на основе контактного использования однокоренных слов, обладающих идиоматичным значением, совмещается «чистое» морфемно-мотивационное и идиоматическое значения слов, в результате чего происходит деидиоматизация слов, восстанавливается их общая семантическая основа, что способствует экспрессивизации и афористичности звучания мысли.

Анализ идиостиля в аспекте теории мотивации подразумевает выявление различных приемов использования мотивации в авторских текстах, а также их количественный подсчет. Так, количественные данные о мотивации в творчестве Е. Евтушенко показали, что мотивация является одной из лингвистических доминант его поэтического языка. На уровне контактной

мотивации излюбленным приемом поэта становится прием противопоставления (125 мотивационных пар оформляют этот прием в 250 стихотворениях). На уровне дистантной мотивации наиболее частотным приемом является прием ключевых слов, имеющих структурообразующее значение для стихотворения (76 мотивационных сцепок в 250 стихотворениях).

Отмечая разницу между контактной и дистантной мотивацией, следует отметить, что контактная мотивация реализуется в рамках одного предметного высказывания, в рамках отдельного микроконтекста произведения, дистантная – характеризуется распространением мотиватов по всему тексту, и в некоторых случаях может играть значительную роль в организации целого стихотворения.

Дистантная мотивация оказывается возможной, так как в поэтическом тексте каждый элемент предельно подчинен смыслу целого. Осознание слов как мотивационно связанных происходит благодаря тому, что поэтический текст обладает определенной «гармонической вертикалью» [Штайн 1994], которая возникает вследствие подсознательного «вертикального чтения» стихов, позволяющего при их прочтении «возвращаться к уже прочитанному и осмысленному и воспринимать это в новом свете» [Лотман 1972: 39].

Вертикальное восприятие поэтического произведения и «принцип возвращения» при его чтении делает мотивационный повтор значимым для понимания текста. Мотивационно связанные слова, соотносясь между собой в пространстве текста, воспринимаются в нем как ключевые слова.

Следующая ступень исследования идиостиля в аспекте теории мотивации предполагает определение назначения или художественной функции наиболее частотно использующихся мотивационных приемов в рамках всего творчества поэта. Анализ функциональной ориентации излюбленных приемов использования мотивации позволяет перейти от описания формальных языковых закономерностей авторского стиля к выражаемым ими содержательным компонентам, что отвечает концепции идиостиля как явления единого в своей форме и содержании (В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, Б.А. Ларин и др.).

Анализ функциональной ориентации использования мотивации проходит путем обобщения полученных данных о функциях мотивации в текстах поэта, то есть является результатом аналитической и синтезирующей работы исследователя, «мотивированной семантическими, содержательными и эстетическими особенностями текстов» [Чернухина 1990: 146], в которых использовалась мотивация. В результате открывается индивидуальный взгляд художника на существующий мир.

Так, анализ функциональной ориентации приема контраста в творчестве Е. Евтушенко позволяет выстроить мирообраз его поэзии как противоречивый, но доступный гармонизации: *Как равновесье – бытие./ В нем зависть –*

*самооскорбленье/ ведь за **несчастье** твое/ чужое **счастье** искупленье*
(*Смеялись люди за стеной..., 1963*) [Михайлова 2006а].

Анализ функциональной ориентации композиционно- или структурообразующей мотивации в поэзии Е. Евтушенко выявил наиболее актуальный тип композиционного строения в его стихотворениях. Поэт зачастую использует двухчастную композицию, представляющую собой столкновение предметной ситуации, почерпнутой из явлений окружающей действительности, и трансформированного обобщенного образа, возникающего на основе осмысления этой предметной ситуации. Слова, связанные на основе семантической мотивации, «разносятся» по двум заявленным сферам – предметной и метафорически осмысленной. Слова с прямым значением в первой части соответствуют словам с переносным значением во второй части. Среди стихотворений подобной композиционной структуры можно назвать «Колизей» (1965), «Монолог бродвейской актрисы» (1967), «В отстое» (1968), «Зверь выходит на обдув» (1975), «Давленьши» (1993) и др. Данные стихотворения предельно социологизированы, направлены на раскрытие непривлекательной сути окружающего мира: в них поэт обнажает язвы общества, акцентирует общие негативные тенденции современности, развивает тему противостояния человека и общества, художника и общества, агрессивного, тоталитарного, нацеленного на уничтожение отдельного человека.

Например: *На кладбище **китов**/ на снеговом погосте/ стоят взамен крестов/ их собственные кости. <...> А жили те **киты**,/ людей не обижая,/ от детской простоты/ фонтаны обожая./ И солнца красный шар/ плясал на струях белых.../ «**Киты** по борту! Жарь!/ Давай, ребята, бей их!» <...> Ты думаешь, ты Бог?/ Рисковая нескромность./ **Гарпун** получишь в бок/ расплатой за огромность. <...> Бинокли на борту/ в руках дрожат, нацелясь,/ и с **гарпуном** в боку/ Толстой бежит от «цейсов»./ Величье мель страшна./ На камни брошен гонкой,/ обломки **гарпуна**/ выхаркивает Горький./ Кровав **китовый** сан./ Величье убивает,/ И Маяковский сам/ **гарпун** в себя вбивает... (Кладбище китов, 1967).*

В стихотворении происходит осмысление конкретной ситуации, придание ей обобщенного смысла и возведение раскрытой проблемы в общечеловеческий масштаб. Смысл обобщенности достигается с помощью использования семантической мотивации, эксплицирующей прямое значение слов (*кит*, *гарпун* – в начале стихотворения), которое является отправным пунктом размышлений автора, и метафорическое значение, которое раскрывает истинный смысл, актуальный для поэта.

Данное произведение и подобные ему характеризуются общим затемнением смысла. Однако поэт не прячет ключ к разгадке иносказательности. Семантическая мотивация отвечает этой цели, поскольку эксплицирует основание метафоризации. Использование мотиватов с прямым и переносным значением в контексте характеризует стиль Е. Евтушенко как стиль, тяготеющий к беллетристичности, предполагающей сохранение

достаточно «прозрачного» указания на основе иносказательности, что обусловлено ориентацией поэта на широкого, массового читателя.

В рамках различных идиостилей использование мотивации получает разную функциональную ориентацию, реализует разные семантические задания, что объясняется индивидуальностью поэтического мирообраза каждого автора. В.В. Виноградов писал, акцентируя эту мысль, что «одни и те же приемы имеют разный смысл и выполняют разные функции в словесно-художественных системах разных писателей» [Виноградов 1963: 110]. Так, сопоставительное исследование идиостиля Е. Евтушенко с идиостилем А. Вознесенского и Б. Ахмадулиной, в творчестве которых мотивация также активно используется, показало, что одни и те же мотивационные приемы приобретают различную индивидуальную функциональную ориентацию в рамках их творчества [Михайлова 2006].

Таким образом, анализ идиостиля в аспекте теории мотивации предполагает не только выявление мотивационных приемов, но и исследование их художественных функций, обобщение которых позволяет составить картину индивидуального художественного стиля. Заключительным этапом исследования, доказывающим неповторимость и индивидуальность авторского подхода к использованию художественного потенциала мотивации, является этап сопоставительного анализа.

Библиография

- Блинова О.И. Русская мотивология. - Томск, 2005. – 67 с.
- Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М, 1963. – 255 с.
- Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л., 1972. – 271 с.
- Михайлова О.С. Роль мотивации в формировании поэтического мирообраза Е. Евтушенко // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл: Материалы VIII Всероссийского научного семинара. – Томск, 2006. – С. 120 – 124.
- Михайлова О.С. Сопоставительное исследование идиостиля в аспекте теории мотивации (на материале поэзии Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной) // Интеграционные процессы и проблемы междисциплинарного взаимодействия в современной науке: Материалы Международной научной конференции. – Томск, 2006. – С. 332 – 349.
- Чернухина И.Я. Основы контрастивной поэтики. - Воронеж, 1990. – 198 с.
- Штайн К.Э. Гармоническая организация поэтического текста: Автореф. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1994. – 39 с.

Коллекция литературных альманахов первой половины XIX столетия в книжном собрании А.В. Никитенко, хранящемся в Научной библиотеке Томского государственного университета

Kolosova G.I. (Г.И. Колосова)

The bibliographic analysis of the collection of literary almanacs from the first half of XIX century, published in Russia and being part of A.V. Nikitenko's book collection, is presented in this work. This collection is stored in the book stock of Scientific Library of Tomsk State University. A.V. Nikitenko (1804–1877) is a professor of St. Petersburg University, academician of the Russian Academy of Sciences, literary historian and critic, writer and censor, who was in the midst of events in the literary and cultural life of Russia of the XIX century. The examined collection of almanacs contains numerous inscriptions given by publishers and this makes it a valuable material for the study of the era in historical, literary and cultural aspects.

Библиотеки, в которых сосредоточены книжные богатства не одного поколения, играют значительную роль в сохранении историко-культурного наследия, являясь связующим звеном между различными периодами нашей истории. Фонды большинства крупнейших библиотек России складывались на основе личных книжных собраний, но, к сожалению, очень немногие из этих собраний сохранились до нашего времени в целостном виде. Личные библиотеки – это не только ценнейший источник для изучения личности самого владельца и круга его общения, его духовных и профессиональных интересов, но и своеобразный исторический документ, который необходимо рассматривать как целостное историко-культурное явление того времени, в которое жил и работал владелец книжного собрания.

В настоящее время проблему комплексного изучения личных библиотек в равной степени решают специалисты гуманитарного направления – историки, литературоведы, книговеды, культурологи, библиографы, используя при этом различные подходы и методы. Научная библиотека Томского государственного университета, основанная в 1880 г., является одной из старейших в Сибири. На протяжении многих лет фонд библиотеки формировался и пополнялся многочисленными частными книжными собраниями представителей различных слоев населения России. Среди имен их бывших владельцев были – граф Г.А. Строганов, поэт В. А. Жуковский, князь С. М. Голицын, профессор словесности А.В. Никитенко, киевский библиофил М.В. Сурин, граф Ф.Литке, директор томского реального училища Г.К. Тюменцев и многие другие.

В настоящее время в Томском университете личные книжные собрания, многие из которых хранятся в Научной библиотеке как единые целые, стали объектами для комплексного изучения специалистами гуманитарного профиля. Прекрасным примером является совместное изучение учеными Томского университета книжного собрания поэта В.А. Жуковского. В 1930-е гг. началось восстановление библиотеки поэта, а затем подготовка и

издание в 1981 г. каталога его библиотеки¹, что дало возможность многоаспектного системного изучения библиотеки В.А. Жуковского. В таком контексте несомненный интерес представляет личная библиотека Александра Васильевича Никитенко (1804-1877), профессора Петербургского университета, академика Российской Академии наук, историка литературы и литературного критика, писателя и цензора.

Большая заслуга в приобретении этой библиотеки для первого университета Сибири принадлежит профессору В.М. Флоринскому, устройтелю университета и основателю его библиотеки. Он использовал все свои связи и знакомства, обращаясь ко многим друзьям и коллегам с просьбой сообщать ему о собрании книг, которые можно было бы получить в виде дара или приобрести за деньги. В.М. Флоринский во время стажировки в Институте молодых врачей при Медико-хирургической академии познакомился с известным физиологом и анатомом Иваном Тимофеевичем Глебовым (1806-1884). Вероятно, получив письмо от В.М. Флоринского, 5 января 1879 г. И.Т. Глебов ответил: «При сем случае нужным считаю сообщить о следующем. Вероятно, Вы помните бывшего некогда профессором Санкт-Петербургского университета, а потом академика Академии наук А.В. Никитенко. Он умер, и после него осталась замечательная библиотека, составляемая им для себя. Вдова отдает ее дешево. Для университета это будет драгоценное приобретение. Это не то, что наши книги. Не упустите случая. Если хотите, можете познакомиться близко и подробно с этою библиотекою. Есть каталог».² В.М. Флоринский достаточно быстро ответил на это письмо и вскоре получил рукописный алфавитный каталог. Тщательно ознакомившись с ним, он поспешил известить вдову профессора о своем желании приобрести библиотеку ее мужа. Средства на ее покупку, в размере 2000 рублей, были выплачены из суммы, специально пожертвованной Томской городской думой для покупки книг для университета (5000 рублей).

В 1880 г. библиотека А.В. Никитенко была привезена из Петербурга в Томск. В настоящее время она хранится как единое целое, ведется научно-библиографическое описание выявленных книг и изучение её состава. К настоящему времени подготовлено и опубликовано несколько обзорных статей³, ведется изучение дарственных надписей на книгах. Цель данной

¹ Библиотека В.А. Жуковского: описание. Сост. В.В. Лобанов. –Томск, изд-во Том.ун-та, 1981. – 446 с.

² Ястребов Е.Я. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. – Томск, 1995. – С.67.

³ Колосова Г.И. А.В. Никитенко и Н.В. Гоголь (По материалам библиотеки А.В. Никитенко, хранящейся в Научной библиотеке Томского государственного университета) // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – Вып. 2. – С.90-107; Колосова Г.И. «Реликвии русской литературы»: прижизненные издания произведений А.С. Пушкина в книжном собрании А.В. Никитенко // Пушкин и время: сб. статей / ред. О.Б. Лебедева – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С.326-338. – (Русская классика: Исследования и материалы; Вып. 6); Колосова Г.И. Книги XIX в., запрещенные царской цензурой, в библиотеке

работы – познакомить с коллекцией литературных альманахов первой половины XIX столетия, которые сохранились в книжном собрании А.В. Никитенко. Альманахи как особый тип литературных изданий весьма сильно повлияли на развитие русской литературы и общественной мысли. Связанные с этим вопросы изучены недостаточно. В работах Н.П. Смирнова-Сокольского⁴ и В.Ф. Гершмановой⁵ даны библиографические описания альманахов и сборников, но не раскрыта книговедческая проблема, связанная с их распространением. Только в работе Л.В. Никитиной рассмотрена коллекция альманахов, находящаяся в библиотеке киевского библиофила М.В. Сурина.⁶ Поэтому особое значение имеет и изучение коллекции альманахов, сохранившихся в библиотеке А.В. Никитенко.

Биография А.В. Никитенко похожа на судьбы многих талантливых людей России первой половины XIX века. Он родился 12 марта 1804 г. в деревне Ударовка Бирючинского уезда Слободско-Украинской губернии в семье Василия Никитенко, крепостного графа Д.Н. Шереметьева. Его отец, грамотный по тому времени человек, смог определить его в Воронежское уездное училище, которое Александр закончил в 1816 г. После окончания учебы он работал писарем, жил частными уроками в г. Острогоске, где судьба свела его с людьми, сыгравшими большую роль в его дальнейшей жизни. Они сумели привлечь общественное внимание к крепостному положению талантливого юноши и заставили графа Шереметьева 11 октября 1824 г. выдать А.В. Никитенко «отпускной документ» на волю. Вскоре он поступает на философско-юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который закончил в 1828 г.

С 1830 г. по 1864 г. его жизнь и деятельность оказались надолго связаны с Петербургским университетом, где он преподавал сначала на кафедре политической экономии, а в 1832 г. перешёл на кафедру русской словесности. В 1837 г. А.В. Никитенко получил ученую степень доктора философии. В 1850 г. он получил звание ординарного профессора по кафедре русской словесности. В 1855 г. в Академии наук его избирали академиком по отделению русского языка и словесности. Параллельно с преподавательской и научной деятельностью А.В. Никитенко с 1833 по 1848 г. выполнял ещё обязанность цензора в Петербургском цензурном комитете, где ему было вменено в обязанность цензурировать многие литературные

профессора и цензора А.В. Никитенко // *Bibliotheca nostra: Ślaski kwartalnik naukowy: Cenzura.* – Katowice, 2013. – № 2 (32). – С. 20-29.

⁴ Смирнов-Сокольский Н.П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII-XIX вв. – М., изд-во "Книга", 1965. – 592 с.

⁵ Гермашева Ф.В. Русские литературные альманахи и сборники XVIII-XIX веков в Научной библиотеке СГУ // *Редкие книги Научной библиотеки СГУ. Вып.3.* – Саратов, 1970. – 125 с.

⁶ Никитина Л.В. Коллекция альманахов первой половины XIX в. из книжного собрания М.В.Сурина // *Русская книга в дореволюционной Сибири: читательские интересы сибиряков / ГПНТБ СО РАН СССР.* – Новосибирск, 1990. – С.77-84.

произведения, сборники и журналы. Уже в 1835 г. А.В. Никитенко в одной из своих дневниковых записей отметил: "Один только цензор может читать по обязанности все, что ныне у нас пишут. Иначе и быть не может".⁷ Служба в цензурном комитете, где ему надо было суметь совместить требования правительства с требованиями писателей и своим внутренним чувством, дала А.В. Никитенко возможность быть у истоков литературного процесса того времени и, кроме того, от него порой зависела дальнейшая судьба многих произведений. А.В. Никитенко, прекрасно понимающий значение науки и литературы, оставался доброжелательным и снисходительным цензором. Известны случаи, когда ему удавалось добиться публикации произведений, ранее отклоненных его сослуживцами по Цензурному комитету. Ярким примером является его участие как цензора в издании в 1842 г. поэмы Н.В. Гоголя "Мертвые души".⁸

Всю свою жизнь А.В. Никитенко заботился о своем самообразовании, стараясь приобретать книги, необходимые ему, прежде всего, для работы и успешной карьеры. На протяжении всей своей жизни он собрал библиотеку, насчитывающую более 2600 экземпляров книг и журналов. Интересы его прекрасно иллюстрирует состав библиотеки, которую можно считать рабочей библиотекой ученого-литературоведа. Прежде всего, это русская художественная литература, где доминируют прижизненные издания произведений писателей XVIII-XIX столетий, а также различные литературные сборники и журналы. Примечательно, что на титульных листах или обложках многих книг имеются дарственные надписи, оставленные писателями, поэтами, издателями, переводчиками, его коллегами по университету. Эти мини-письма являются своеобразной иллюстрацией взаимоотношений А.В. Никитенко со своими современниками. На многих альманахах, к которым он имел непосредственное отношение как цензор, также имеются интересные дарственные надписи. Рассмотрим только некоторые литературные альманахи, собранные А.В. Никитенко в своей библиотеке.

Литературные альманахи как особый тип издания появились в России во второй половине XVIII века и были преимущественно переводными. Они включали сочинения в стихах и прозе и предлагали читающей публике поучительное и занимательное чтение. Постепенно переводной материал в них начинает вытесняться новыми сочинениями российских авторов, и в самом начале XIX столетия в литературной жизни России альманахи становятся особенно популярными. Быстрое и широкое распространение их в России в этот период было обусловлено и исторической ситуацией, сложившейся к этому времени в стране. Издание альманаха становится делом, объединяющим людей, близких по своим общественным и литературным взглядам, которые находили отражение на его страницах. Появление почти каждого альманаха, который включал в себя новые

⁷ Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. – М.: Гос. Изд-во худ. лит-ры, 1955-561955. – Т.1. – С.171

⁸ Гоголь Н.В. Собр. сочинений: Письма. – М., 1986. – Т.7. – С.199.

произведения известных писателей и поэтов, становилось заметным фактом в литературной жизни России.

В это время на первое место выходит литературный альманах "Полярная звезда. Карманная книжка для любителей и любительниц русской словесности на 1823 год", который был издан в ноябре 1822 г. в Петербурге. Издание было подготовлено и осуществлено К.Ф. Рылеевым совместно с А.А. Бестужевым. Интерес и успех всех трех выпусков альманаха (на 1823, 1824 и 1825 гг.) был обеспечен тем, что весь цвет литературы этого времени поддержал издателей, предоставив для альманаха лучшие свои произведения. В нем приняли участие: В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, И.А. Крылов, П.А. Вяземский, Д.В. Давыдов, А.А. Дельвиг, Ф.Н. Глинка, М.А. Дмитриев, В.К. Кюхельбекер и другие. Альманахи «Полярная звезда», а это были небольшие книжечки «карманного» формата и изящно оформленные, стали лучшими альманахами пушкинской поры. По этому поводу В.Г. Белинский писал: «Успех «Полярной звезды» произвел в нашей литературе альманашный период, продолжавшийся с лишком десять лет»⁹. Но, к сожалению, в библиотеке А.В. Никитенко сохранился только первый выпуск этого альманаха.

После выхода «Полярной звезды» многие издатели начали выпускать литературные сборники в формате альманаха. Как отметил В.Г. Белинский: «Альманахам не было числа, ни конца, и, за исключением «Северных цветов», немного было хороших, много посредственных и бездна плохих».¹⁰

Под влиянием успеха «Полярной звезды» в 1825 г. писатель и издатель Егор Васильевич Аладьин (1796-1860) начал выпускать «Невский альманах». Это было чисто коммерческое издание, без какой-либо идеологической линии. Издатель всячески старался привлечь к участию в альманахе многих известных писателей и поэтов. Среди авторов «Невского альманаха» был не только сам Е.В. Аладьин, но также Н.М. Языков, П.А. Вяземский, Ф.Н. Глинка, И.И. Козлов и другие. В дальнейших выпусках альманаха на 1827-1829 гг. даже появились перепечатки некоторых отрывков из произведений А.С. Пушкина «Евгений Онегин», «Борис Годунов» и ряд небольших стихотворений. «Невский альманах» выходил до 1833 г. и пользовался успехом больше у публики, чем у критики, и занял в истории литературы заметное место. В 1846 г. Е.В. Аладьин вновь возобновил издание альманаха под этим же названием, в котором приняли участие писатели: А.А. Григорьев, С.Ф. Дуров, Ф.Н. Глинка, А.В. Висковатов, В.Г. Бенедиктов и др. В библиотеке Никитенко сохранились экземпляры «Невского альманаха на 1846 год» и «Невского альманаха на 1847 и 1848 годы». Интересно, что на задней обложке первого альманаха было помещено такое объявление:

⁹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т.4. – С.120.

¹⁰ Там же. – С.120.

«Цена 2 руб. серебром. Половина, выручаемой продажей этой книжки, суммы – обращается в пользу воспитанников Николаевской школы, при Доме призрения престарелых и увечных граждан в С.-Петербурге; другая половина составит пособие одному обедневшему семейству»¹¹. На экземпляре имеется дарственная надпись: *«Александру Васильевичу Никитенко от издателя»*. Что касается второго альманаха, также изданного в пользу воспитанников Николаевской школы, то А.В. Никитенко был цензором этого выпуска и на экземпляре в его библиотеке тоже имеется автограф издателя Е.В. Аладына.

В 1832 г. Василий Николаевич Семенов (1801-1862), который с 1830 по 1836 гг. который служил в ведомстве народного просвещения по цензурной части, издал альманах под названием «Комета Бэлы». В нем были опубликованы произведения многих писателей и поэтов, среди которых М.П. Погодин, С.П. Шевырев, Н.И. Греч, О.И. Сенковский, Ф.В. Булгарин, Ф.Н. Глинка, М.А. Дмитриев, Н.В. Кукольник, И.И. Козлов и другие. Экземпляр альманаха сохранился в библиотеке А.В. Никитенко в своем первоизданном виде, а на обороте издательской обложки имеется дарственная надпись: *«Его высокоородию Александру Васильевичу Никитенкову в знак уважения и дружбы от издателя»*. А.В. Никитенко, будучи ещё студентом, в 1826 г. познакомился с В.Н. Семеновым, который, кроме чиновничьей службы, занимался литературными и научными трудами, а также переводами.

Первенцем литературных сборников новой формы был альманах «Новоселье». История появления его была напрямую связана с событиями, происходившими в культурной жизни Петербурга того времени. Так, в связи с переездом книжной лавки петербургского книгопродавца и издателя А.Ф. Смирдина на Невский проспект, 19 февраля 1832 г. состоялся по этому случаю литературный обед, устроенный хозяином. На празднование были приглашены многие русские литераторы разных групп и направлений. Официальная версия появления «Новоселья» представлена в предисловии к первому тому, в котором А.Ф. Смирдин пишет: «Заглавие книги, само по себе, уже обязывает меня сказать несколько слов о сем издании. Простой случай – перенесение моего магазина на Невский проспект (19 февраля 1832 .) доставил мне счастье видеть у себя на новоселье почти всех известных литераторов»¹².

Далее он поясняет: «Гости-литераторы, из особенной благосклонности ко мне, вызвались, по предложению Василия Андреевича Жуковского, подарить меня на новоселье, каждый своим произведением, и вот дары, коих часть издаю ныне»¹³. Таким образом, подаренного литературного материала хватило на издание в 1833-1834 гг. двух томов альманаха,

¹¹ Невский альманах на 1846 год. [Изд. Е.Аладына]. – Санктпетербург, типография К.Жернакова, 1845.

¹² Смирдин А.Ф. От издателя //Новоселье. – СПб.,1833. – С. IV.

¹³ Там же. – С. VI—VII.

который и получил название «Новоселье». В первый том альманаха были включены произведения В.А. Жуковского, И.А Крылова, П.А. Вяземского, В.И. Панаева, Н.И. Гнедича, В.И. Даля и других. А.С. Пушкин предоставил повесть «Домик в Коломне» (строфы I-XI), написанную им в 1830 г., это была первая её публикация. К повести была приложена гравюра «Кухарка бреется», выполненная И.В. Ческим по рисунку А.П. Брюллова.

Во втором томе альманаха, который вышел в 1834 г., были также опубликованы произведения В.Ф. Одоевского, И.И. Козлова и других. Именно во втором томе альманаха впервые была опубликована «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя и поэма А.С. Пушкина «Анджело». О том, как проходила поэма А.С. Пушкина через цензуру, в «Дневнике» А.В. Никитенко имеется интересная запись, сделанная 9 апреля 1834 г. Так, докладывая министру народного просвещения С.С. Уварову о том, что ему на цензуру дали второй том альманаха, А.В. Никитенко пишет: «Я представил ему еще сочинение Пушкина «Анджело». Прежде государь сам рассматривал его поэмы, и я не знал, имею ли я право цензурировать их. Теперь министр приказал мне поступить в отношении к Пушкину на общем основании. Он сам прочел «Анджело» и потребовал, чтобы несколько стихов были исключены».¹⁴ Пушкин, увидев свое произведение с урезанными строками, очень долго не мог простить этого А.В. Никитенко, но все же чаще поэт и цензор шли на обоюдное соглашение.

Примечательно, что на экземплярах альманаха «Новоселье» из библиотеки А.В. Никитенко сохранились иллюстрированные издательские обложки, что очень редко встречается в личных библиотеках. Так на заглавном листе первого тома альманаха помещено изображение торжественного обеда, где во главе стола сидит И.А. Крылов, а рядом с ним стоит А.Ф. Смирдин. Справа сидят Д.И. Хвостов и А.С. Пушкин, а слева – А.А. Шаховской и Ф.В. Булгарин, с бокалом в руке стоит Н.И. Греч, произносящий тост.

На фронтисписе второго тома альманаха помещена гравюра, где на фоне книжных полок книжной лавки А.Ф. Смирдина на первом плане изображен А.С. Пушкин, разговаривающий с П.А. Вяземским. Успех этому изданию обеспечили не только произведения многих маститых писателей того времени, но и то, что оно было проиллюстрировано прекрасно выполненными гравюрами известных гравёров –С. Галактионова, Ф. Ческого, К. Афанасьева по рисункам художников А. Брюллова и А. Сапожникова.

В 1846 г. А.Ф. Смирдин предпринял второе издание первых двух томов «Новоселья», которые по содержанию были идентичны с первым, но внешне они значительно отличались, так как гравюры на меди были заменены ксилографиями. Выпуская второе издание альманаха, А.Ф. Смирдин к первым двум томам добавил третий, ранее не издававшийся. В нем были опубликованы сочинения Ф.В. Булгарина, Е.П. Гребенки, В.И.

¹⁴ Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. . – М.: Гос. Изд-во худ. лит-ры, 1955-56. – Т.1. – С. 140.

Даля, Н.В. Кукольника, В.А. Соллогуба и др. Цензорами третьего тома альманаха были А. Фрейгант и А.В. Никитенко, в библиотеке которого он сохранился. В верхней части издательской обложки имеется надпись чернилами, сделанная А.Ф. Смирдиным: «Его Высочородию Александру Васильевичу Никитенко». Известно, что у А.В. Никитенко и А.Ф. Смирдина были хорошие взаимоотношения, и эта надпись – дополнительное тому подтверждение.

В 1838 г. вышел первый номер альманаха «Невский альбом. Опыты в стихах и прозе», издателем которого был Николай Иванович Бобылев (1818-1840) – петербургский литератор, прозаик. Причем первый номер целиком состоял из его произведений, поэтому его условно можно отнести к числу альманахов. Но в последующих выпусках альманахов на 1839 и 1840 гг. приняли участие уже многие писатели и поэты. В библиотеке А.В. Никитенко сохранился экземпляр «Невского альбома на 1840 г.», который переплетен в цельно-кожаный переплет зеленого цвета с тиснением золотом и золотым обрезом. Вероятно, он был сделан по заказу издателя, это подтверждает и то, что перед шмуцтитолом вставлен лист с дарственной надписью: *«Александру Васильевичу Никитенке, с чувством глубокого уважения и совершенной преданности. Издатель. 1840. 24.11. СПб.»*.

В 1839 г. выходит изданный известным поэтом, беллетристом и драматургом Нестором Васильевичем Кукольником (1809-1868) альманах «Новогодник», имеющий подзаголовок «Собрание сочинений в прозе и стихах, современных русских писателей». В альманахе приняли участие Е.П. Гребенка, В.Г. Бенедиктов, Н.И. Греч, Э.И. Губер, Н.А. Полевой, А.И. Полежаев и др. Следует отметить, что А.В. Никитенко был хорошо знаком и часто встречался с Н.В. Кукольником, это подтверждают многочисленные упоминания его имени в «Дневнике»¹⁵. Вот, например, первая запись от 5 января 1834 г.: «Недавно познакомился с Нестором Кукольником, автором драматической фантазии «Торквато Тассо». Это человек с несомненным талантом, но душа его пока для меня неясна. Он читал у меня на литературном вечере свою новую драму «Джулио Мости». Она растянута, довольно длинна и скучна в целом». Далее он отмечает: «Кукольник далеко пойдет, если полюбит искусство, и одно искусство, – если, подобно другим, не попробует соединить в себе чиновника и поэта».¹⁶

В библиотеке А.В. Никитенко сохранился экземпляр альманаха, где на шмуцтитوله имеется дарственная надпись: *«Любезнейшему Александру Васильевичу Никитенке от Н. Кукольника»*. Интересно, что на страницах текста первой главы поэмы Э.И. Губера «Антоний» встречаются подчеркивания карандашом, оставленные внимательным А.В. Никитенко-читателем.

¹⁵ Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. – М.: Гос. Изд-во худ. лит-ры, 1955-56. – Т. 1. – С. 127, 132, 145.

¹⁶ Там же. – С.132.

В конце 1830-х - начале 1840-х гг. лучшими альманахами считались «Альманах на 1839 год» и «Утренняя заря», издававшиеся писателем Владимиром Андреевичем Владиславлевым (1807-1856). Первый альманах являлся как бы предшественником «Утренней зари». Как было отмечено на титульном листе, он был составлен из литературных трудов самого В.А. Владиславлева, а также П.А. Вяземского, Ф.Н. Глинки, Е.П. Гребенки, Э.И. Губера, В.И. Даля, М.Д. Деларю, И.И. Дмитриева, П.П. Ершова, П.П. Каменского, И.И. Козлова, Н.В. Кукольника, В.Ф. Одоевского, И.И. Панаева, И.Я. Пожарского, Е.Ф. Розена и других. Печатался альманах в военной типографии в 1838 г. в Санкт-Петербурге. На экземпляре имеется краткая запись: «*А.В. Никитенке. Владиславлев*».

В 1839 г. В.А. Владиславлев стал издавать альманах «Утренняя заря». Всего вышло четыре выпуска, которые очень выделялись среди других литературных собратьев литературным содержанием, получившим высокую оценку критика В.Г. Белинского¹⁷. В альманахе публиковали свои произведения многие писатели и поэты, в том числе А.В. Кольцов, В.И. Даль, И.И. Козлов, В.Ф. Одоевский, П.А. Вяземский, а также и менее известные литераторы. Печатались в нем и ранее опубликованные стихотворения А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, а также переводы произведений зарубежных авторов – И. Гёте, Ф. Шиллера, А. Шенье и др. Кроме того, альманах отличался прекрасным внешним оформлением, так как во всех его выпусках были помещены первоклассные гравюры Робинсона, Гретбаха, Рольса, которые печатались в Лондоне. По этому поводу В.Г. Белинский писал: «По внешнему изяществу и роскоши альманах Владиславлева европейский, в полном значении этого слова, а по содержанию, вероятно, далеко превзойдет игрушки этого рода, издаваемые в Европе только для картинок»¹⁸.

В книжном собрании А.В. Никитенко хранится полный комплект этого альманаха. Следует отметить, что он сам был цензором последнего выпуска альманаха на 1842 гг. и на некоторых экземплярах имеются дарственные надписи, свидетельствующие, что они подарены издателем. Так, на обороте правого форзаца посредине страницы альманаха на 1841 г. запись чернилами: «*Александру Васильевичу Никитенке дружеское приношение издателя*» [Владиславлева]. На альманахе на 1842 г. также надпись: «*Александру Васильевичу Никитенке с искреннейшею признательностью от издателя*» [Владиславлева].

К началу 1840-х гг. «карманные» альманахи окончательно утрачивают свое значение и превращаются в солидные сборники, которые часто издаются как приложения к толстым журналам. Следует отметить, что в 1846 г. издатели журнала «Современник» Н.А. Некрасов и И.И. Панаев пригласили А.В. Никитенку на должность официального редактора этого журнала. В

¹⁷ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 4. – С.448-457.

¹⁸ Там же. – С.457.

этой должности Александр Васильевич был недолго, уже 5 февраля он пишет: «Я начинаю подумывать о том, чтобы отказаться от редакции «Современника». Скоро, но что же делать. Мне слишком тяжело находиться в постоянной борьбе с издателями, которым в свою очередь тяготит мое влияние»¹⁹.

В начале 1848 г. И.И. Панаев и Н.А. Некрасов подготовили к изданию «Иллюстрированный альманах» как приложение к журналу «Современник». Но, несмотря на то, что уже имелось цензурное разрешение на выпуск альманаха, редакция приостановила рассылку его подписчикам. Это было связано с резко изменившейся политической обстановкой в России после Февральской революции 1848 г. во Франции. В стране, особенно после создания комитета по надзору за печатью (Комитет 2-го апреля), началась полоса жесточайшей реакции, особенно по отношению к изданию художественных произведений и журнальной периодики. А.В. Никитенко, опасаясь неприятностей по службе, вышел из состава редакции журнала «Современник». Н.А. Некрасов и И.И. Панаев, беспокоясь за судьбу своего журнала, вторично представили «Иллюстрированный альманах» в Петербургский цензурный комитет. Альманах был отослан на отзыв цензору А.Л. Крылову, который дал отрицательную оценку. Среди прочих нарушений цензурных предписаний цензор отметил, «что нельзя дать разрешение на появление в свет иллюстраций, которые были помещены в альманахе, так как в них можно узнать карикатурные портреты многих лиц, весьма известных публике»²⁰. Запрещение на карикатурные портреты действовало долгие годы по отношению к иллюстрированным изданиям, выходившим в России. Окончательное решение о запрете «Иллюстрированного альманаха» было вынесено 20 октября 1848 г. на заседании Главного управления по делам печати. Весь тираж альманаха, за исключением экземпляров, розданных издателями сразу по напечатанию, оставался у Н.А. Некрасова. Большая часть пачек была сожжена по распоряжению цензуры, но часть попала к букинистам. Так в частных собраниях коллекционеров появились неполные, плохо сохранившиеся экземпляры «Иллюстрированного альманаха». В библиотеке А.В. Никитенко имеется почти полный экземпляр книги, включающий особо редкую карикатуру «Белинский, не узнающий своей статьи в печати». Судя по инициалам «И.П.», вытисненным на кожаном корешке книги, которая сохранилась в библиотеке А.В. Никитенко, ранее экземпляр принадлежал самому И.И. Панаеву.

Рассмотренная коллекция альманахов из библиотеки А.В. Никитенко представляет научный интерес как один из источников для осмысления «альманажного» периода в истории российской словесности. Следует учесть, что при изучении бытования таких альманахов существуют определенные трудности, связанные с тем, что до наших дней дошло малое

¹⁹ Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. – М.: Гос. Изд-во худ. лит-ры, 1955-56. – Т. 1. – С.301

²⁰ Долгих У.М. Цензурная история Некрасовского "Иллюстрированного альманаха" // Русская литература. 1977. №2. С.125.

их число. Поэтому альманахи, сохранившиеся в библиотеке одного из представителей российской научной интеллигенции XIX столетия, представляют особую ценность. Благодаря своей многообразной деятельности, А.В. Никитенко находился в самой гуще событий литературной и культурной жизни России XIX столетия. Личность А.В. Никитенко как современника, читателя и цензора многих альманахов и литературных сборников дает возможность представить своеобразный литературный срез того времени. Выявление же дарственных надписей издателей на альманахах не только раскрывает историю их взаимоотношений с А.В. Никитенко, но дает интересный и ценный материал для изучения эпохи в историко-литературном и культурно-бытовом аспектах.

Литературно-художественные сборники Томска рубежа XIX–XX в. в контексте развития регионального книжного дела

Makarova E.A. (Макарова Е.А.)

The research is performed within the bibliographic direction in philology which has been successfully developing in the recent years. The research is focused on regional literary collections of the end of the 19th – the beginning of the 20th century displaying common features with the literature of the centre as well as specific features characteristic of Siberia, which conditions the timeliness and novelty of the research. The article features the system analyses of the source material, especially the series of Siberian literary collections, discovered in the course of research, which has been introduced into scientific use and included into the upcoming bibliographic inventory.

Only in the second half of the 19th century the provincial book develops its form as well as genre diversity. Due to the constant growing of Siberian publishing, some periodicals undertake their own publishing projects, as is the case with collections “Siberia”, “Siberian motives”, published in Moscow and ST. Petersburg, and “Siberian echoes” published by Mikhailov and Makushin in Tomsk. In terms of type and genre they are variants of scientific and local study publications, the charity collection, and Siberian poetic anthology.

On the edge of the XIX–XX centuries Tomsk became the centre of Siberian book publishing to a greater extent due to 2 important factors – the activity of the Tomsk University and the biggest in Siberia Makhushin Publishing House. The providing of creation of collective works and almanacs in this period was of great importance, because they not only gathered, but also discovered new writers, poets and critics and were employed as well in developing of publishing business and strategies.

В последние десятилетия XIX в. провинциальная печать становится инструментом формирования самосознания региона и важнейшей составляющей общероссийского литературного процесса. В связи с этими назревшими проблемами в периодике с середины 1870-х гг. разворачивается полемика вокруг проблем местной печати, за которой внимательно следят и в столичной прессе. В ней принимают участие такие видные деятели культуры, литературы и журналистики, как нижегородский писатель-краевед, статистик и видный общественный деятель А.С. Гациский, столичный критик Д.Л. Мордовцев, редактор «Камско-Волжской газеты» К.В. Лаврский, писатель и редактор В.Г. Короленко, лидеры сибирского областничества С.С. Шашков, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и др. Итогом данной полемики станет важный прорыв в смене оппозиции «столичное – провинциальное» на оппозицию «регион – центр».

Идея Сибири становится главной парадигмой и творческого наследия областников. Осмысление ее пространственных границ, истории, природы, общих типологических моделей вело к формированию регионального самосознания и той литературы, которая неизбежно возникала в связке с процессами общелитературными. Вполне закономерно на этот период

появление различных сибирских литературно-художественных сборников, подготовленных на местах, но изданных в столице.

Учитывая, что уровень сибирской печати достиг той отметки, когда некоторые периодические издания уже предпринимали собственные издательские проекты, интересным представляется вариант научно-литературного иркутского *Сборника газеты «Сибирь»*, изданного в Санкт-Петербурге в 1876 г.¹

По сути, первой сибирской литературной хрестоматией станет сборник стихотворений *«Сибирские мотивы»*², изданный известным деятелем и меценатом И.М. Сибиряковым, личность которого сама по себе очень показательна, т.к. основной его деятельностью была благотворительность, а самой широкой ее сферой – поддержка просвещения. Он сыграл большую роль в издании книг, прежде всего, посвященных Сибири, ее истории и современному положению, населяющим ее народам.

Сборник напечатан в Санкт-Петербурге большим тиражом, в пять тысяч экземпляров, и представляет собой вариант крайне продуманной издательской стратегии, рассчитанной как на столичного, так и местного читателя. Это выразилось в том, что в книгу вошли на равных правах стихи поэтов Сибири (Бальдауфа, Ядринцева, Омуревского) и известных европейских авторов (Пушкина, Некрасова, А. Толстого, Рылеева). Принципиально, что данное издание несет в себе и черты нарождающегося вида благотворительного сборника, доход от которого шел в пользу авторов, либо членов их семей, или в распоряжение какого-либо благотворительного общества. В данный сборник большим блоком включены стихотворения сибирского поэта, писателя и переводчика И. В. Федорова-Омуревского, умершего в бедности и не оставившего после себя ничего, кроме литературного наследия. В память о нем Сибиряковым и был издана эта книга.

Основная тема включенных в сборник произведений – Сибирь, ее природа, люди, значимые события и история сибирского края. В стихах В. Михеева («Черемуха», «Красная лилия»), С. Москвина («Байкальская осень»), И. В. Федорова-Омуревского («Бирюсинский лес», «На берегах Енисея»), А. Эпова («К Родине») ярко обрисован суровый, но в то же время *«... чудный край, пленивший глаз богатством и простором... как первобытный рай»*. В сборнике также ощутимы общие тенденции развивающегося книгоиздания Сибири, связанные с сочетанием беллетристической и научно-краеведческой составляющей, т.к. одной из ключевых становится тема историческая. Так, в стихотворениях Д. Садовникова («Ермак

¹ Сборник газеты «Сибирь». Т. 1. СПб.: Издание редакции газеты «Сибирь». Типография Товарищества «Общественная польза». 1876. – 484 с. P.S. Курсив по всему тексту – мой (Е.М.)

² Сибирские мотивы. Сб. стихотворений. Издание И.М. Сибирякова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова. 1886. – 144 с.

Тимофеевич», «Ермак взял Сибирь», «Стрела») сюжеты развиваются по местным преданиям и народным песням. Не осталось без внимания и такое важное событие края, как подготовка к открытию Томского государственного университета (С. Фруг «Сибирь»).

В итоге это издание отличает профессиональный подход, как к содержательному, так и внешнему оформлению, продуманная структура и редаKTура. Несомненно, здесь чувствуются европейские тенденции в издательских практиках и личное участие самого составителя. Такой подход к изданию, на наш взгляд, обусловлен профессиональной установкой на читательское восприятие, т.к. сборник, прежде всего, был рассчитан на столичного читателя, дабы напомнить сибирякам, проживающим в центре, о родном крае. Важно и то, что, в отличие от предыдущих сборников, данное издание стало первой сибирской хрестоматией, по жанру своему предполагающее издание, содержащее систематически подобранные литературно-художественные, официальные, научные и иные произведения или фрагменты из них.

На рубеже XIX–XX вв. центром сибирской книжности становится Томск, получивший еще в 1804 г. статус губернского города, но еще долго представлявший типичное провинциальное захолустье, «город обывателей», по выражению Г.Н. Потанина. По мере развития сибирского региона главным движущим импульсом в развитии экономики и культуры края стала деятельность сибирского купечества, которое организовывало школы, музеи, библиотеки, строило церкви, участвовало в исследовательских экспедициях по Сибири, создавало замечательные проекты по поиску торговых и культурных путей, связывающих далекие восточные окраины с мировыми странами.

Как подчеркивает Ю.М. Беспалова, деятельность купцов в плане культуры (отчисления на школы, театры, библиотеки и т.д.) «была выражением не просто филантропических деяний, а вполне понятой ими потребности в подъеме образовательного и культурного уровня сибиряков»³. В итоге сибирское купечество выполняло функции, которые в других частях страны выполняло дворянство, интеллигенция и другие образовательные слои общества. Например, впечатляющим фактом были домашние библиотеки сибирских купцов. Они содержали много ценных книг, в том числе и древних рукописных. Библиотечные собрания нередко составляли сотни томов, и эти личные книжные коллекции зачастую передавались в общественные.

Развивающаяся культурная жизнь Томска вела к тому, что практически во всех сферах жизни происходили значительные изменения. Разгульные кутежи купцов постепенно уходили в прошлое. Быстро развивалась коммерческая развлекательная индустрия. Во многих городах Сибири стали

³ Беспалова, Ю.М. Ценностные ориентации в культуре Западносибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX вв. Тюмень: ТГНГУ, 1998. С.13–14.

открываться книжные магазины, публичные библиотеки и Народные дома. Изменился во многом и облик купца-предпринимателя, активно участвующего уже не только в коммерческой, но и культурной жизни края.

По уточнению Дегальцевой, «просветительские общества (в отличие от научных и художественных) появились в томском регионе практически одновременно с аналогичными формированиями в России, что опровергает утверждение об отставании Сибири в различных общественных процессах. Однако ее периферийное положение в империи, почти поголовная безграмотность (особенно сельского населения) обусловили направления деятельности, которые имели ряд отличий от подобных объединений европейской России»⁴. Несмотря на кажущуюся простоту, в ней прослеживается тенденция внедрения в народную среду общечеловеческих культурных достижений.

В 1870 г. в Томске возникает первая Публичная библиотека, представляющая типичный семейный проект под началом П.И. Макушина. В 1873 г. он открывает первый в Сибири книжный магазин. В 1881 г. появляется первый в Томске частный орган периодической печати – «Сибирская газета»; в 1882 г. – «Общество попечения о начальном образовании в Томске». 16 мая 1885 г. вышел первый номер новой газеты «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни», издававшейся до 1905 г.; 30 сентября 1884 г. открылась Бесплатная народная библиотека Общества попечения о начальном образовании, первая подобная в стране. Наконец, в 1888 г. в городе открывается первый за Уралом Императорский университет.

Таким образом, активно использующий традиции, наработанные в Тобольском и Иркутском.

Важно сразу оговорить, что книжная продукция Томска, по сравнению с другими сибирскими «культурными гнездами», была уже более разнообразна в видовом и тематическом планах, более многотиражна, в большей степени ориентирована на общероссийский уровень издательских практик и чаще выходила за пределы сибирского книжного рынка. Принципиально, что именно в томской книжной среде вырабатываются четкие типологические признаки различных видов изданий – массовых, научных, научно-популярных, учебных, художественных, справочных и пр. До этого они существовали в значительной мере в нерасчлененном комплексном виде. Большое влияние на книгоиздание города, несомненно, оказал университет и публикаторская деятельность ученых, т.к. до их

⁴ Дегальцева, Е.А. Культурно-просветительные объединения Томской губернии в последней трети XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. С. 24.

публикаций научные издания в Сибири в основном носили комплексно-краеведческий характер⁵.

Сами по себе типы томских редакторов-издателей, предпринимающих различные частные инициативы, были достаточно показательными. Помимо знаковой фигуры П.И. Макушина, представляющего нарождающийся образ сибирского культуртрегера, к ним относились издатель, редактор и писатель Всеволод Долгоруков, лишенный княжеского звания и сосланный в Томск за уголовное преступление, но развернувший в городе огромную культурно-просветительскую деятельность. Интересны фигуры первого томского профессионального художника П.М. Кошарова, самостоятельно предпринявшего издание своей альбомной продукции, и Ф.П. Романова, на протяжении почти двадцати лет создававшего беспрецедентный проект – «Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь», в котором он выступал не только как издатель, но и составитель текста. Публицист, общественный деятель, путешественник А.А. Адрианов был еще и владельцем типографии, и одним из первых редакторов «Сибирской газеты», а ее фактическим негласным редактором и автором являлся политический ссыльный Ф.В. Волховский.

Что касается технической стороны издательской деятельности, то большая часть книг, выпускаемых в Томске, печаталась в типолитографии Михайлова и Макушина, и в этом было ее отличие от литографий Москвы и Петербурга, т.к. столичные учреждения специализировались именно в области литографии, не являясь при этом типографиями. При типолитографии П.И. Макушина с первых лет ее существования была организована школа наборщиков, которая поставляла обученных полиграфистов не только для своего предприятия, но и для типографий других сибирских городов.

Стабильно, но не очень активно работала Томская губернская типография. Небольшое число книг в разное время было выпущено, как уже уточнялось выше, типографиями «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника», частными типографиями М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовского, Г. Прейсмана и Н. Беляева. И если в России и Сибири в первой половине XIX в. использовались преимущественно ручные станы, то к концу века ситуация кардинально изменилась, т.к. в типографиях и литографиях более чем вдвое выросло число печатных машин⁶. Наряду с плоскочечатными, в них стали устанавливаться машины ротационные, производительность которых была намного выше.

⁵ Об этом: Волкова, В.Н. Тобольск, Иркутск, Томск как центры сибирского книгоиздания второй половины XIX в. // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Сер. История, филология и философия. 1990. Вып. 3. С. 35–40.

⁶ См.: Есипова, В.А. Полиграфическая техника и материальное обеспечение полиграфического процесса // Книжная культура Томска (XIX – начала XX в.) Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 54.

Таким образом, вплоть до революции 1917 г. Томск оставался наиболее активным издательско-полиграфическим центром Сибири, удовлетворявшим книгопечатные потребности многих сибирских городов. Поэтому не вполне корректно говорить об отставании провинции от центра в аспекте развития книжного дела. Как выявляется, и в области технической, и в плане развития литературно-издательского процесса сибирская провинция к концу XIX в. была уже достаточно самостоятельна и в первую очередь как раз за счет пресловутого «удаления от центра». Поэтому, по представлению современных исследователей, логичнее было бы говорить не об отставании, а о неравномерном развитии книжного дела в различных регионах страны, в том числе и Сибири.

В 1889 г. в Томске в издании Ю. П. Матвеевой под редакцией Ивана Брута (псевдоним Ф. В. Волховского) выходит вторая сибирская поэтическая хрестоматия – «Отголоски Сибири»⁷, составленная по тому же принципу, что и первая. В нее вошли стихотворения как общероссийских, так и сибирских поэтов: К. Рылеева, А. Одоевского, Н. Некрасова, В. Кюхельбекера, Ф. Бальдауфа, И. Сурикова, И. Оммулевского, П. Шумахера и самого Ф. Волховского. Сборник был напечатан в типографии «В.В. Михайлова и П.И. Макушина» в Томске в 1889 г. К этому времени издательство Макушина уже стало крупнейшей фирмой, занимающейся реализацией книг по всей Сибири, во многих городах были открыты ее филиалы. Поэтому качество выпускаемых им изданий могло уже вполне конкурировать с европейским.

Несомненно, это отразилось и на оформлении сборника «Отголоски Сибири», который хранится в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета. Разнообразие шрифтов, витиеватые буквицы, использование красной краски в оформлении, узорчатые виньетки на обороте титульного листа, — все это значительно отличает его от сборников, выпускаемых в других сибирских типографиях того времени.

Издание представляет собой небольшую изящную книжечку в желто-сером бумажном переплете, форматом 12х17 с широкими полями. Задняя обложка утрачена. На последнем листе представлен список опечаток и указание цены сборника: «Цена обычного издания — 50 коп., а издания в изящном коленкоровом тисненном переплете — 80 коп.». Таким образом, появление этого сборника, доказывало, что и в Сибири есть издательства, способные конкурировать и издавать продукцию, по качеству не уступающей столичной.

С точки зрения контента и жанровой дефиниции издание представляет поэтический коллективный сборник, где главной стала попытка выразить региональное самосознание, сформированное природой края. В его состав входит предисловие Волховского, напечатанное под псевдонимом Иван

⁷ Отголоски Сибири. Сб. стихотворений разных авторов. Издание Ю.П. Матвеевой под ред. Ивана Брута. Томск: Типография Михайлова и Макушина, 1889. – 194 с.

Брут (на своих текстах он никогда не ставил своей подлинной фамилии, т.к. был ссыльным и официально редакторской деятельностью не имел права заниматься), в котором говорится о целевом назначении издания: *«...Выбирая в этих пределах то или иное стихотворение, тот или другой отрывок, мы заботились прежде всего о наличии истинного чувства, одушевления, о политическом мирозерцании, о возможном изяществе формы и об отсутствии квасной или барабанной подкладки в патриотизме. Если это удалось нам выполнить, то книжечка наша должна найти себе отголосок в душе каждого, искренно полюбившего светлые стороны Сибири и болящего о ее темных сторонах»*⁸.

Изначально заданная диалогичность сборника, связанная с русско-европейским и региональным сознанием, определяет и тематику крайне разнообразных стихотворений: от отрывков народных песен, песен рабочих, заключенных, до поэм В. Кюхельбекера. Но всех их объединяет одно – тема Сибири, что служит целостности и самого жанра сборника. В итоге его выпуск стал очередной попыткой составителя отразить региональное самосознание, сформированное природой края, а само разнообразие материала еще раз подчеркнуло основную цель сборника – *«разбавить повседневность людской жизни»*.

В этом сборнике любой читатель мог найти то, что близко ему по духу и соответствовало его интересам. Очевидно, что редактор-составитель расширяет тематические и временные рамки, показывая не столько достижения, сколько возможности сибирской литературы, еще не осуществившиеся в полной мере, но оставляющие надежду. В итоге в «Отголосках Сибири» проявляется новая тема в сибирской литературе – «культурное пробуждение края». Особенно это прослеживается в стихах, посвященных открытию Томского университета.

Таким образом, на примере данного сборника очевиден явный прорыв в издательской и литературной области. Но, к сожалению, после выхода этой книжки на протяжении достаточно долгого времени не случилось того ожидаемого повторения коллективного поэтического сборника, которое могло бы подтвердить его успех и показать процесс развития сибирской поэзии. На наш взгляд, связано это, прежде всего, с преобладанием текстов прозаического характера, больше присущих развивающейся сибирской литературе и несущих черты очерковости, документальности, что несомненно больше отражало суровую жизнь далекого края.

Проблема же в издательской отрасли заключалась, в том, что начинающие литераторы, разбросанные по крупным сибирским городам, удаленным один от другого на сотни и тысячи километров, не имели на данный период единого литературного центра – своего журнала или хотя бы какого-то общего периодического печатного органа. Поэтому создание коллективных сборников и альманахов приобретало особое значение, т.к. они не только

⁸ Там же. Л. VIII.

объединяли, но выявляли и открывали новые имена писателей, поэтов и критиков, а также служили в деле развития издательских практик и стратегий.

Не случайно начало XX в. в книжной культуре Томска ознаменовано целым рядом сборников литературного содержания, связанных с местной проблематикой. Интересным представляется «Сборник в пользу Томских воскресных школ и Гоголевского народного дома» под редакцией профессора Томского университета М.Н. Соболева, изданного в Петербурге⁹. Он являет собой уже типичный для столиц, но еще не внедренный в региональную книжную среду вариант благотворительного сборника (в данном случае связанного с именем Ядринцева), о чем уточняется в Предисловии редактора.

В Оглавлении среди авторов находим имена самого Ядринцева (с примечаниями сотрудницы «Восточного обозрения» и первой исследовательницы его публицистического наследия Т. Фарафоновой), стихи известных сибирских деятелей – С. Марусина (псевдоним политического ссыльного С. Шевцова), В. Анучина, Тана-Богораза, рассказ Н. Степняка, научные статьи А. Кауфмана и Г. Потанина, воспоминания И.П. Белоконского. Как видим, и по составу авторов, и по универсальности содержания сборник максимально приближен к формату сибирского.

Само же качество оформления с полиграфической точки зрения достаточно высокое, если учесть, что он был отпечатан в столичной типографии. Необходимо уточнить, что к началу века в книжном деле назревают существенные перемены в связи с внедрением новых технических средств: многочисленные виды фотомеханического репродуцирования иллюстраций, фотомеханической техники высокой печати с применением цинкографии и автотипии. Использовались также фотолитография, фототипия, фото и гелиографюра.

Данный сборник представляет книгу форматом 17,5x24 в позднем составном переплете (полукожаный светлый корешок с тиснением, картонные крышки в серой мраморной бумаге). Обложка сделана из плотной глянцевой бумаги, название выполнено наборным шрифтом с сопровождающим рисунком, изображающим орла на фоне зеленой тайги. На титуле текст набран разной гарнитурой и обрамлен узорной виньеткой. Бумага тонкая, глянцевая. На спусковых полосах – орнаментальные заставки, название набрано узорным шрифтом. Поля широкие. Нумерация на верхнем поле посередине. Колонтитулы отсутствуют. Внизу даются постраничные сноски под номерами. На задней обложке в рамке указана цена, внизу уточнение – «В Томске склад издания в книжном магазине

⁹ Сборник в пользу Томских воскресных школ и Гоголевского народного дома / под ред. М.Н. Соболева. С.-Петербург: Тип. Т-ва «Общественная польза». 1905. – 296 с.

Макушина, а в Петербурге – у т-ва «Общественная Польза» (Б. Подъячская, 39)».

Если же говорить о полноценном общесибирском сборнике в формате литературного альманаха, то таковым стал «*Первый литературный сборник сибиряков*», изданный в Томске в 1906 г.¹⁰ Отпечатан он был в типографии Н.И. Орловой, являющейся купчихой второй гильдии, под началом которой печатались также инструкции, отчеты, своды постановлений Томской городской Думы.

Имени же редактора ни на титуле, ни в выходных данных нет, но несколько раз упомянутая на задней обложке фамилия в анонсировании второго сборника дает основание предположить, кто был главным участником и составителем текста: «*Рукописи для второго сборника принимаются Е.А. Бахаревым, Томск, Тверская улица, д. № 5. Выписывающие первый сборник от Е.А. Бахарева за пересылку не платят*». Ефим Афанасьевич Бахарев был томским поэтом-самоучкой. Его адрес, указанный в сборнике, был известен по всей Сибири, т.к. сюда местные поэты и писатели присылали свои произведения для первого, второго, а также третьего (уже неосуществленного) литературных сборников сибиряков, главным участником которых он был. Единственный же его авторский стихотворный сборник тоже был издан в Томске¹¹.

Структура «Первого литературного сборника» достаточно традиционна: проза, стихи, исключение составляет очерк А.М. Серебренникова о Щапове. В книгу вошли произведения как малоизвестных, так и уже заявивших о себе на страницах местной прессы литераторов Омска, Томска и Иркутска: К. Ангарова, Е. Бахарева, Ф. Березовского, В. Булыгина, Г. Вяткина, Исаака Гольдберга, К. Дубровского, А. Замиралова, Г. Крекнина, П. Ч., А. Серебренникова, М. Сязова, В. Солодовникова, К. Троцкого, М. Цейнера и др. Но сами сибирские темы, так же, как и сибирский колорит, представлены в этом сборнике еще в очень малой степени.

По тематике тексты больше сближаются с общероссийскими, если учесть, что сборник вышел в самый разгар революции 1905 г., чем определялось и его идейно-тематическое направление. В итоге он быстро разошелся и имел большой успех, который создатели сборника решили подкрепить весьма своеобразным способом, тоже нередко имеющим место в региональной издательской практике.

В некоторых библиографических указателях упоминается такой сборник – «*Сугробы. Альманах сибирской литературы*», отпечатанный в Петербурге, но без указания года издания. По мнению А.П. Казаркина, «это фикция, альманаха такого не было, а была удачная попытка сбыть не разошедшийся тираж “Первого литературного сборника сибиряков” под новым

¹⁰ Первый литературный сборник сибиряков. Рассказы и стихотворения. Томск: Товарищеское изд., 1906. – 194 с.

¹¹ Бахарев, Е. Стихотворения. Томск: Тип. Макушина, 1904. – 51 с.

названием». По версии В.П. Трушкина, «напечатали новую обложку, указав столичное издательство, и это сыграло решающую роль: мнимый альманах разошелся». М.К. Азадовский считает, что главной причиной такой издательской, не вполне этической мистификации стал тот факт, что «материального успеха томский альманах 1905 г. не имел, и в 1910 г. одним из участников он был выпущен в продажу под новой обложкой и с новым заглавием». Более того, по мысли исследователя, этот опыт показал, «как низок уровень местного самосознания: читатели-сибиряки не верили, что в Сибири может появиться что-то значительное»¹².

Так или иначе, наша задача заключается в том, чтобы не только включить этот сборник в общую классификацию, но и исправить ряд закрепившихся неточностей. А.П. Казаркин говорит об отсутствии года издания при упоминании «Сугробов» в указателях. Трушкин и Азадовский датируют его 1910 годом. В алфавитном же каталоге РНБ он числится под 1909 годом¹³, хотя при просмотре книги нами было обнаружено, что, действительно, ни на титуле, ни на обороте год не указан.

Что касается содержания «Сугробов», то оно действительно абсолютно идентично «Первому литературному сборнику сибиряков». В материальном же плане – это небольшая книга форматом 12x21 в мягкой светлой обложке (поздний составной переплет в зеленой мраморной бумаге). Набор простой, без разнообразия шрифтов. Колонтитулы отсутствуют. Из справочного аппарата можно выделить только раздел «Замеченные опечатки» на последнем пронумерованном листе. Оформление крайне лаконичное. Название на титуле заключено в рамку.

Исходя из данной ситуации, становится понятным, почему «*Второй литературный сборник сибиряков*» был напечатан уже в Петербурге¹⁴. Он также оказался довольно далек от сибирских тем и интересов, но, по сравнению с первым выпуском, очевидно расширился круг его авторов. Помимо томских, иркутских и омских литераторов (И. Тачалов, П. Казанский, К. Дубровский, Г. Вяткин и др.), в сборнике приняли участие поэты и писатели Забайкалья, Дальнего Востока, а также начинающие поэты Читы и Барнаула (И. Уманов, С. Синегуб и др.) Такая литературная география несомненно расширяла и круг читателей, тем более, что темы в сборнике звучали самые актуальные. Книга вышла в самый разгар политической реакции, поэтому в ней выразились главные проблемы времени: тюрьмы, казни, ссылки, первых еврейских погромов, отражающих

¹² См.: Казаркин, А. П. Вехи литературной жизни Томска // Томские писатели. Томск, 2008. С. 15; Трушкин, В.П. Пути и судьбы. Литературная жизнь Сибири. 1900–1917 гг. Иркутск, 1985. С. 50; Азадовский, М.К. Альманахи литературные // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. А–Ж. С. 91.

¹³ Сугробы. Альманах сибирской литературы. СПб.: Товарищеское изд., 1909. – 194 с.

¹⁴ Второй литературный сборник сибиряков. Рассказы и стихи. СПб.: Товарищеское издание. Типография «Север», Садовая, 60. 1908. – 95 с.

общее душевное состояние человека в ситуации революционных потрясений.

Тем не менее, несмотря на издательские прогнозы, при которых второй сборник должен был стать успешнее первого, тем более что отпечатан он был в столице, судьба его оказалась более печальной. Именно то, что он вышел в такое трагическое, постреволюционное время и сказалось на том, что книга оказалась невостребованной. В Томск сборник поступил из Петербурга почти через год после напечатания, но и здесь не нашел своего читателя, пролежав на книжных складах долгое время. Нами он тоже был обнаружен случайно, т.к. в библиотечном каталоге НБ ТГУ нигде не числился по причине того, что книжка в свое время была вшита в блок с текстом Вяч. Шишкова «Подножие башни» (СПб., 1920). Обложка в нем утрачена, формат 14х22. Набор простой, виньетка присутствует только на титуле.

Таким образом, с одной стороны, эти сборники несомненно вошли в ряд первых общесибирских, но, с другой, продолжили традицию литературных приложений, которые в свое время были продемонстрированы на примере «Сибирского сборника» Ядринцева. Несмотря на то, что в них нет особых выдающихся литературных произведений (что тоже, вероятно, стало причиной слабой реализации второго сборника), они все-таки стали значительным идейным и культурным документом своей эпохи. В самом же творчестве молодых сибирских авторов явно обнаружились новые особенности литературы реализма рубежа веков, а также попытка преодолеть областнические сепаратистские тенденции и влиться в общероссийский литературный поток.

Важным представляется и то, что в этих первых литературных сборниках сибиряков ярко прослеживались принципы зарождения нового направления, получившего название «Молодая Сибирь». В нем выявились уже с иной акцентировкой социальные симпатии и эстетические принципы писателей-сибиряков начала XX в., т.к. главным в этом направлении стало то, что фактографическая правда литературы Сибири устремилась к правде художественной.

Дискуссия по поводу этого нового направления в сибирской литературе разворачивалась в большей мере на страницах журнала «Сибирские вопросы», основанным в 1905 г. В.П. Сукачевым под редакцией видного идеолога областничества и историка Сибири П.Н. Головачева. Журнал, позиционировавшийся как периодический сборник, печатался в Петербурге. Издатели хотели придать ему «направляющее значение» в выражении сибирских «нужд», которые определялись, прежде всего, с областнических позиций. Другая точка зрения проявилась в ярких статьях политического ссыльного, журналиста и литературного критика Н. Насимовича-Чужака. Он особо выделял имя Георгия Гребенщикова, считая, что этот молодой сибирский автор являет собой бесспорный образец столичного писателя не только в топографическом, но и в типологическом смысле слова, т.к.

поэтика его произведений преодолела известные исходные установки областной культуры и привела к трансформации ее самосознания.

В итоге становится очевидным, что на рубеже XIX–XX в. в Томске складывались наиболее благоприятные условия для развития книжного дела. Согласно данным, опубликованным в популярном издании «Город Томск», вышедшем в 1912 г., раздел книжной торговли был представлен в нем перечнем из одиннадцати книготорговых точек, среди которых числятся шесть магазинов, четыре книжных лавки и один книжный склад¹⁵.

Растет вместе с книгоизданием, книготорговлей и читательская аудитория. О разнообразии ее интересов тех лет свидетельствуют регулярно печатаемые в прессе обзоры «Что выписывает и читает г. Томск». Вместе с этим неуклонно развивается и читательский интерес к формирующейся сибирской литературе, которая публикуется в разнообразных периодических изданиях, воплощается в авторских и коллективных сборниках. Сама литература этого времени начинает отличаться большей суверенностью жанров, собственно художественной прозы, влияние же публицистики и научного этнографизма становится заметно слабее. По жанрам доминируют рассказ и повесть, намечается и принципиальное движение к роману.

Начало XX в. характеризуется не только количественными изменениями местного репертуара, но и качественными во взаимоотношениях типографов и издателей. Как показал обзор сборников, мы уже не видим жесткой привязанности между книгоиздающими организациями и типографиями. Напротив, чем больше было типографий, тем больше был выбор. Такова была реальность в книжном пространстве Томска на этот период, задающая большие перспективы и возможности смыкания с общероссийскими литературными и книгоиздательскими процессами.

¹⁵ Город Томск. Справочник местной общественно-культурной, административной и торгово-промышленной жизни. Томск: Типолитография Сибирского товарищества печатного дела. 1912. С. 53.

Образовательное учреждение как пространство субъектной активности современной семьи

*Kostyukova T.A. (Костюкова Т. А),
Simakova T.P. (Симакова Т. П.)*

What place does the family in education today? What conditions must be created for that family was the real subject of the educational process? To answer these questions, this article will examine the current situation in the relations between the family and the educational institution and the possibility of its conscious, active and responsible participation in the educational process.

В начале XXI века в современном российском обществе по разным причинам актуализировались семейные ценности и возникла необходимость становления семьи как субъекта социального взаимодействия, готового занять активную, самостоятельную и ответственную позицию. Это является сегодня одной из важных государственных и общественных задач. Её решению способствует ряд тенденций общественного развития:

отказ государства от патерналистской позиции по отношению к своим гражданам и субъектам деятельности, смена административно-командной системы на общественно-государственную;

повышение ответственности семьи за невыполнение ею воспитательных функций по отношению к своим детям (пока в большей степени на законодательном уровне, в меньшей - на исполнительном);

усиление роли семьи в образовании (согласно современным документам, семьи обучающихся имеют право участвовать в деятельности педагогических и других советов образовательного учреждения, создавать органы родительского самоуправления, включаться в разработку и реализацию основной образовательной программы учреждения и др.).

Все это создает хорошую основу для того, чтобы семья из постороннего наблюдателя могла постепенно превратиться в активного субъекта образовательного процесса. Тем не менее, в настоящее время решению данной проблемы препятствуют объективные и субъективные причины:

с одной стороны, не все семьи готовы к полноценному взаимодействию с образовательными учреждениями из-за недостаточной психолого-педагогической компетентности, культурно-образовательного или социального уровня, высокой степени занятости в осуществлении карьеры, решении материально-финансовых проблем семьи и др.;

с другой стороны, образовательные учреждения далеко не всегда готовы предоставить семье реальную возможность активного включения в образовательный процесс, не желая менять привычный, сложившийся годами уклад педагогической деятельности и не имея достаточного опыта делегирования семье тех или иных полномочий, организации взаимодействия с активными и `самодостаточными родителями.

В связи с этим возникает вопрос о готовности обеих сторон данного взаимодействия к конструктивному диалогу и согласованию позиций, а также – о необходимости развития субъектности каждой из них. Тем более, что ситуация не является однозначной и стабильной: так, в последние 5-6 лет, согласно нашим эмпирическим исследованиям, наблюдается достаточно заметная динамика, говорящая о повышении готовности семьи участвовать в образовательном процессе.

Это выражается в росте числа семей, более осознанно осуществляющих выбор образовательного учреждения, стремящихся понять, чему и как будут обучать их ребенка, готовых так или иначе участвовать в деятельности детского сада или школы. Аналогичные явления замечены в ходе мониторинга удовлетворенности субъектов образовательного процесса, проведенные и в других регионах нашей страны¹.

На этом фоне все более заметна сохраняющая свой сдерживающий характер позиция образовательных учреждений (городских - в большей степени, сельских – в меньшей). Её выражением являются: *во-первых*, нежелание на практике признавать семью в качестве реального субъекта образования, *во-вторых*, обвинение её в некомпетентности, потребительской позиции и нежелании делать то, что требует школа.

Безусловно, эти обвинения возникли не на пустом месте, но наряду с этой устаревшей родительской позицией уже окрепла и растет другая – более самостоятельная и ответственная, с которой не все образовательные учреждения умеют работать. Подобные явления мы сами наблюдали в процессе проведения опросов педагогических коллективов ряда образовательных учреждений Кемеровской, Томской и Московской областей. Можно утверждать, что они достаточно типичны для современной образовательной ситуации в стране. Так, например, в опубликованных материалах исследования данной проблемы к заседанию коллегии департамента образования Ярославской области говорится: «... следует отметить, что в отдельных педагогических коллективах образовательных учреждений области доминируют ценности, не направленные на формирование клиентоориентированности школы и отрицательно влияющие на показатели удовлетворённости. В учительской среде нередко можно слышать, что ... «родителям нет дела до собственных детей». Эти ценности педагогических коллективов связаны, прежде всего, с отсутствием субъектной позиции учителей и желанием переложить ответственность за образовательные результаты на внешние обстоятельства»².

Поэтому, понимая и разделяя озабоченность проблемой формирования субъектной позиции семьи в образовании, мы в данной статье, тем не менее,

¹ Изучение удовлетворённости населения качеством предоставления дошкольного, общего и дополнительного образования детей. – URL: http://tulaedu.ru/data/documents/Itogi_po_izucheniju_udovletvorennosti.pdf; - дата обращения: 09.12.2014

² Удовлетворённость населения качеством образования как индикатор состояния системы образования. Материалы к заседанию коллегии Департамента образования Ярославской области. – URL: <http://goo.gl/LOV5SD> - дата обращения: 09.12.2014

хотели бы обсудить вторую сторону этой проблемы - наличие условий для проявления семьей данной позиции в образовательном учреждении. Мы считаем, что именно эта сторона является в настоящий момент краеугольным камнем с точки зрения перспективы развития процесса конструктивного взаимодействия семьи и образования. Значимость её усугубляется и еще одним важнейшим обстоятельством: несмотря на необходимость передачи определённой ответственности в области воспитания и образования ребенка семье, на переходном этапе, в условиях недостаточной сформированности у семьи субъектного опыта, «руководящие и координирующие» функции образовательных учреждений неизбежны. При этом они должны быть не статичными, «консервирующими» привычное подчинённое состояние семьи, а стимулирующими и «выращивающими» иную её позицию - активную, субъектную, равноправную.

Какие же изменения необходимо внести в образовательное пространство для того, чтобы активные, самостоятельные семьи могли проявить и развить свою субъектную позицию? Прежде всего, образовательное учреждение для семьи должно приобрести качества открытого образовательного пространства, понимаемого как взаимопроникающее взаимодействие, направленное на создание целостной ценностно-ориентированной образовательной системы³.

Для этого педагогам учреждения важно *понять* особенности субъект-субъектного взаимодействия с разными семьями, как пассивными так и активными, механизмы их включения в партнёрское взаимодействие; *научиться* выявлять и согласовывать образовательные запросы и позиции сторон, вести конструктивный диалог, делегировать полномочия в совместной деятельности, создавать пространство субъектной активности семей.

Достижение необходимого и достаточного уровня проявления семьей её субъектной позиции возможно только в процессе активной деятельности - по словам А. К. Осницкого, «субъектной активности», формирования «субъектного опыта»⁴. При этом, под субъектной активностью понимается такая активность, которую человек развивает как автор своих усилий (А. К. Осницкий).

Для реализации своей субъектной активности, субъект (в данном случае, семья) нуждается в особом пространстве - достаточно вариативной среде, включающей возможности для развития разнообразного опыта и проявления разных видов активности.

Какая активность семьи предполагается в образовательном пространстве? Активность семьи в сфере образования может проявляться в разных видах, взаимно дополняющих друг друга и обеспечивающих положительный

³ Открытое образование – стратегия XXI века для России / под общ. ред. В. М. Филиппова, В. П. Тихомирова. – М. : Изд-во МЭСИ, 2000. – С. 6.

⁴ Осницкий, А. К. Проблемы исследования субъектной активности / А. К. Осницкий // *Вопр. психол.* – 1996. – № 1. – С. 5-17.

результат взаимодействия семьи и образовательного учреждения в целом: образовательно-потребительская активность, материально-финансовая, практико-деятельностная, организационно-координационная и рефлексивно-аналитическая. При этом в каждом из них заложены возможности выбора функций, реализуемых конкретной семьёй:

- потребительская – включение во взаимодействие с целью приобретения опыта, информации, развития способностей, осмысления собственной деятельности и т.д.;
- исполнительская – предполагающая действия семьи по достижению заданного индивидуального или социально-значимого результата (для ребенка, класса или образовательного учреждения);
- организационно-координационная – предполагающая деятельность по объединению и координации усилий разных субъектов для получения необходимого результата;
- экспертная – активность, включающая анализ, оценку, выстраивание прогнозов и перспектив образовательной деятельности в классе, образовательном учреждении или любой другой её общественной или административной структуры;
- «донорская» - при достижении семьёй значимого для других положительного опыта (в семейном воспитании, развитии, взаимодействии, общественной деятельности и т.д.) осуществление особым образом организованной деятельности семьи, предназначенной для осмысления её другими, формирования их мотивации и обучения новым навыкам.

Таким образом, пространство субъектной активности семьи в образовании может представлять собой систему нескольких подпространств:

информационно-образовательное подпространство, предполагающее возможность приобретения необходимой информации, обучения, консультирования и т.д.;

практико-деятельностное подпространство, в котором родители могут включаться на разных уровнях (исполнительском, инициативном и т.д.) в практическое взаимодействие с другими участниками образовательного процесса для проведения совместных мероприятий и событий;

подпространство организационно-координационной и рефлексивно-аналитической активности – предполагающее возможность включения в процессы управления (родительское самоуправление, участие в общественной экспертизе образовательной деятельности, участие в органах управления ОУ – управляющих и др. советах).

Все эти подпространства, созданные в образовательном учреждении, в совокупности позволят создать необходимые возможности для развития субъектной позиции семьи и её конструктивного включения в образовательный процесс, что, безусловно, отразится на качестве образования каждого ребенка.

Знаковые числа 1, 2, 3, 5, 7 во фразеологии русского и языка хинди

Shyama Joshi (Шьяма Джоши)

Фразеологический состав языка представляет собой многомерную комплексную систему, части которой обладают определёнными структурно-семантическими свойствами и имеют свои особенности. Одной из составляющих является – фразеологических единиц с числовым компонентом.

Фразеологизмы отражают национальное своеобразие истории, культуры, традиционного образа жизни народа носителя языка. Как известно, фразеологизмы являются действенным средством повышения речевой выразительности. Этому способствуют большие возможности русской и индийской фразеологии, разнообразие их экстралингвистические оттенки и качества. В данной статье рассматривается в сопоставительном аспекте лингвокультурологические особенности знаковых чисел 1, 2, 3, 5, 7 в русском и в языке хинди. Рассмотрим несколько примеров.

Один - Как в русском, так и в языке хинди число «один» является одним из основных составляющих целого ряда фразеологизмов, имеющих обобщенное значение «только, мало, лишь». Например: одна ласточка не делает весны, один в поле не воин, одна паршивая овца все стадо портит, за двумя зайцами погонишься, не одного не поймаешь, один за всех, все за одного.

Соответствующие фразеологизмы есть в языке хинди: एक हाथ से ताली नहीं बजती (одной рукой нельзя аплодировать), एक अनार सौ बीमार (гранат один, а желающих сотни), एक मछली सारे जल को गन्दा कर देती है (одна паршивая рыба загрязнит всю воду), एक और एक ग्यारह (один и один ровно одиннадцати), एक फूल से माला नहीं बनती (от одного цветка не делается гирлянда).

Из сопоставления этих фразеологизмов видно, что хотя они разнятся по лексико-грамматическому оформлению, они всё же сходны по значению.

Два – в русской культуре «два» как чётное число не вызывает особой симпатии у людей. Об этом свидетельствуют такие фразеологизмы, как глухому поп две обедни не служит, два медведя в одной берлоге не уживаются, две собаки грызутся, третья не приставай. Число «два» в противоположность числу «один» имеет значение “много”, например: сидеть между двух стульев; ум хорошо, а два лучше; один и дома горюет, а два и в поле воруют; кто смел, тот и два съел; для ссоры нужны два.

Число «два» в культуре русского и индийского народов противоположно. В культуре Индии два означает – «удвоение, добавление». Это число сотрудничество, баланс между противоположностями. Два означает двойное счастье, поэтому на хинди существуют такие фразеологизмы: एक से भले दो (два лучше, чем один) दो में तीसरा आँख में ठीकरा (среди двух, третий как

бельмо в глазу) दो हाथों ताली बजती है (двумя руками апладируют) दो चून के भी बूरे होते हैं (трудно справится в драке с двумя – смысловой перевод) दो आदमियों की गवाही से फांसी होती है (свидетельство двух ведёт к смертной казни).

Три – В русском языке число «три» приобретает дополнительное содержание много, слишком много, быстро, долго. «Число три» не просто число оно занимает важное место в реальной жизни. Например: заплакать в три ручья, наговорить с три короба; не узнавай друга в три дня, а в три года; что известно троем известно всем.

Число «три» в культуре русского и индийского народов противоположно. По сравнению с русским языком оно в языке хинди имеет негативный смысл и сочетается, что число три будто бы плохая примета. Например: तीन तिगाड़ा काम बिगाड़ा (трое портят дела) तीन दिन के छोकरा हमें सिखावत बात (трёхдневный ребёнок учит нас) तीन में न तेरह में (не среди трёх и не среди тринадцати) तीन टांग की घोड़ी , नौ मन की लदनी (треножная лошадь - обуза в сорок манн – один манн равняется сорока килограммам).

Пять – в русском языке фразеологизмы с числом пять в большинстве своем имеет негативный оттенок: как собаке пятая нога; пятое колесо в телеге; по пятое число; с пятого на десятое; пять двадцать пять. Хотя существуют такие фразеологизмы учиться на круглые пятёрки; знать что-то как свои пять пальцев, которые употребляются в значении “много” и “успешно”.

В культуре индии число «*пять*» занимает одно из ведущих мест, так как оно занимает центральное место при счёте от 1 до 9. «Пять» символизирует собой идею пространство (центр, север, юг, восток, запад), отражает пять философских элементов жизни (вода, огонь, земля, воздух, небо) . это и привело к тому, что в культурологии Индии появился целый ряд фразеологизмов, связанных с числом “пять”: पाँच उंगलियां घी में (пять пальцев в масле) पांच उंगलियां बराबर नहीं होती (пять пальцев не одинаковы) पांच परमेश्वर (мнение пяти человек равно мнению бога – смысловой перевод); पांचे मीत, पचासे ठाकुर (друзьям пять, а землевладельцам пятьдесят); पांच पंच मिले कीजे काम, हारे जीते नहीं लाज (когда пятеро стараются вместе, им ничего не грозит).

Семь – это число имеет особое значение, потому что большинство русских исповедуют православие, в соответствии с которым Бог создал мир в течение семи дней. И многие святые обряды православия связаны с числом «семь». Именно поэтому число семь очень распространено в русской фразеологизмах: быть на седьмом небе; семеро одного не ждут; трудиться до седьмого пота; семь пятниц на неделе; семеро сошкой, а один с ложкой; семь раз отмерь, один раз отрежь; у одной овечи семь пастухов.

Число «семь» очень популярное и благородное число в культурологии Индии. Оно занимает одно из ведущих мест в связи с тем, индийцы верят в семь перевоплощений:

सप्त ऋषी – семь мудрецов. В индийской мифологии они сыновья бога Брахмы. В индийской астрономии семь мудрецов отождествляются со звёздами Большой Медведицы. सात फेरे – семь кругов вокруг огня: каждый

круг пары молодожёнов вокруг огня сопровождается определённой клятвой верности в семенной жизни. В языке хинди также существует много пословиц с числом «семь»:

सात मामा का भानजा न्यौता ही न्यौता फिरे (племянник семи дядей получает много приглашений), सात पांच की लाकड़ी , एक जने का बोझ (что груз для одного то палочка для семьи и пяти), सातवें आसमान में उड़ना (летать на седьмом небе)

Итак, анализируемый материал свидетельствует, что большинство фразеологизмов сохраняют косвенное указание на количество и выражают общий смысл «много, мало, очень мало, очень много», неопределённое количество и.т.д. Фразеологизмы с числом пять а русской культуре и в индийской культуре выражают экстралингвистическое значение.

Фразеологизмы – это зеркало человеческой цивилизации и культуры, в них отражается жизненный опыт и характер данного народа. Анализируемый материал показывает, что в обоих из этих языков отражаются особенности культуры народов, говорящих на этих языках. Лингвокультурологический подход к изучению языковых единиц открывает большие перспективы для дальнейших исследований, поскольку в его основе лежит не только научный интерес, но и духовная потребность познания других народов, их культуры и национального

Библиография

- Англо – русский фразеологический словарь изд. 3-е испр. в двух книгах. М.- «Сов. Энциклопедия» 1967.
- Англо – русский фразеологический словарь. А В Кунин изд. 4-е М.- «Русский язык» 1984.
- Словарь фразеологических синонимов русского языка под ред. Д.Ф.Н. проф. В.П. Жукого М.-«Русский язык» 1987.
- A book of Russian idioms illustrated M. I. Dubrobin изд. 3-е М.- «Русский язык» 1987.
- фразеологический словарь русского языка под ред. А. И. Молоткого изд.- 3-е М.: - «русский язык» 1987.
- वृहत हिन्दी लोकोत्ति कोष भोलानाथ तिवारीए दिल्ली 1985.
- हिन्दुस्तानी कहावत कोष S.W. Fallen. National book trust India, new delhi 1967.

«Бытописатели» русской и индийской деревни: Шукшин и Рену

Thakur S.K. (Тхакур С.К.)

The paper entitled "Writers on matters of everyday life" of the Russian and Indian Village: Shukshin and Renu" analyses the presence of common themes and issues (image of village life, the lives of ordinary rural people & workers, the relationship between town and village) in the works of two village prose writers of Russia and India: Vasily Shukshin and Phanishwar Nath Renu. The article also pays special attention to the study of the linguistic features of their works.

Литература любой страны существует в взаимодействии с литературой и культурой других стран. И хотя каждый писатель является своеобразным, хотя у каждого свой метод изображения жизненных проблем, но часто между писателями, между их произведениями наблюдаются различные сходные элементы. Подобное сходство наблюдается в творчестве Василия Шукшина (1929-1974) и Пханишварнатха Рену (1921-1977), являвшегося двумя крупнейшими литераторами двух различных культур.

Методы и принципы разных писателей из разных культур иногда имеют сходные элементы или из-за генетического межлитературного контакта или из-за социально-типологического схождения различных культур. Генетическая связь обозначает прямой контакт между писателями разных культур. Как известно, один из важнейших средств генетического контакта это перевод. Рену был хорошо знаком с произведениями русских писателей в переводе с русского на английский язык. В рассказе «Пранон мен гхуле хуе ганг» («Цвет, растворенный в жизни») герой рассказа читает Шолохова *Тихий Дон*. В рассказе «Аатма-сакши» («Очевидец и свидетель») герой говорит о Ленине и Сталине как вождя Социалистической революции.

Социально-типологические схождения между разными культурами возникают на основе аналогичных социально-экономических ситуаций. Между Россией 50–60–ых годов и Индией 40-60 -ых годов был много общего с точки зрения социально-экономической ситуации. Общественно политические положение – России и Индии носят сходные элементы. В своих рассказах Рену отражает жизнь простых обыкновенных людей особенно из деревни накануне и после Независимости от англичан. Индия во то время старалась перестроить общество. Пханишварнатх Рену является вторым писателем после Премчанда, в творчестве которого деревенская жизнь стала предметом. Шукшин подобно Рену в своих произведениях дает главное место простым деревенским труженикам, женщинам, которые заново перестроят свою жизнь после второй мировой войны. Но самая главная остается в том, что деревенская жизнь стала предметом их творчества. Вот, почему творчество этих двух писателей отражают во многом сходную тематику и проблематику. Хотя между этими двумя писателями не было прямого контакта.

Этим объясняется наличие общей тематики и проблематики (отображение деревенской жизни, жизни простых деревенских людей-тружеников,

взаимоотношение между городом и деревней, переселение в город в поиск работы) в творчестве этих двух писателей. Кроме того общие человеческие темы (как любовь, жадность, ложь, лицемерие) тоже нашли отражение в их рассказах.

Проблема взаимоотношения между городом и деревней постоянно волновала обоих писателей. Отношение деревенских жителей к городу двойственное. С одной стороны он их привлекает, тянет к себе. Поэтому многие уехали в город. Их привлекают в город лучше условия образования, работы и всякие другие удобства. Вот почему многие люди из деревни мигрируют в город. С другой стороны, многие из тех которые остались в деревне испытывают и чувство злости а иногда и ненависти к городским жителям. Причинами таких чувств являются - чувство своего преимущества перед деревенскими у горожан, частичное недопонимание из-за разницы между деревенской и городской культурами.

Люди деревенского происхождения, которые мигрируют в город часто скучают по деревне, порой тоска гложет их до невозможного, но по разным причинам порвать с городом они не в состоянии. В рассказе «Земляки» старик из города приезжает в родную деревню за несколько дней до смерти. «Побывать надо на родине.... Помирать скоро». В рассказе «Выгхатан ке кшан» («Момент распада») муж Виджая не позволяет ей поехать в деревню, которая хотела видеть раз свою подругу перед смертью. Муж Виджая из города не понимает свою жену, которая тоскует по своей деревне. Оба писателя дает нам четко понять что, деревенских люди характеризуют душевность, простота, особая поэтичность, в то время как для горожан характерны деловитость и суета.

Как деревенский житель, всю жизнь Шукшин изображал деревенскую жизнь. Ему было не по себе когда он видел неравномерное развитие деревни в сравнении с городом. В деревне люди жили бедно, в тяжелых условиях, а в городах удобно и богато. Те которые, уехали из деревни теперь зарабатывает хорошо в городах и возвращаются на родину отдыхать. В рассказе «Срезал» выражается отношение деревенщиков к таким своим землякам.

В рассказах Рену наблюдается смесь деревенской и городской жизни. В некоторых рассказах его персонажи будучи в деревне мечтают о городе или приехав в город становятся объектом насмешки городских людей (рассказы «Выгхатан ке кшан, Уччатан, Эк акахани ка супатр») («Момент распада, Под корень, Положительный герой одного антирассказа»), а в некоторых рассказах его городские герои со своим городским менталитетом не могли примириться с деревенской жизни и в очереди стали причиной насмешки (рассказы «Акл аур бхайнс, Найна джогин») («Ум и буйвол, Воительница»). Любовь к деревенской жизни проявляется ясна в его творчестве. Рену считает город не только как символ капитализма и индустриализации, но и представитель пустой и искусственной жизни. Поэтому в рассказах как «Распирия, Выгхатан ке кшан, Уччатан, Тхес, Бхитти-читр ки маори» («Любовь иных дней, Момент распада, Под корень, Обида, Танцующий

павлин») видно любовь писателя к деревенской культуре. В рассказах «Выгхатан ке кшан, Уччатан» («Момент распада, Под корень») описывается мрачное положение сельских людей, которые в поисках работы переселяют в город.

В рассказе «Чудик» (1967) Шукшин изображает свой идеал о простом и добром человеке. Человек простой и добрый. Сердце у него полно любви и заботы об окружающем мире. Все время старался, чтобы люди вокруг него были счастливыми. Но в ответ, люди очень грубо относились к нему. За зло и некультурность людей, он берет вину на себя, он спрашивает себя «Почему же я такой-то?» Шукшин называет своего идеального образа Чудиком. Все чаще герои Шукшина (по словам писателя — это «люди простые, но всегда равнодушные, ищущие...») задумываются над основами бытия, все чаще обращаются к «вечным вопросам».

Подобно Чудик, в рассказе «Тисри касам» («Третья клятва») Рену встречается такой персонаж Хираман. Рассказ «Тисри касам» является вершиной в творчестве Рену. Он повествует о жизни крестьянина перевозчика Хирамана, который за всю свою жизнь дает три клятвы: не перевозить контрабанду, не возить бамбук и некогда перевозить женщину из театральной компании. В рассказе не только картина того, как живет крестьянская и городская Индия, но и как соприкасаются две культуры — сельская и городская. Хираман некий посредник, через индивидуальную судьбу которого писатель показывает взаимодействие двух миров и культур во пространстве и времени. Рену создает нового героя - простого, малообразного человека, живущего напряженной духовной жизнью, способного на высокую жизнь.

Василий Шукшин и Пханишварнатх Рену разделяют одинаковое мнение по существующему положению в своих странах. Шукшин напрямую вилел недостатки в системе. Государство было занято пропагандировать идею покоя, свободы, равенства, социализма в стране, но в самом деле Шукшин знал, что все это ложь. Василий Шукшин был недоволен с существующим порядком.

Вы за коммунизм, который надо строить, или вы за коммунизм, который уже есть? Я за коммунизм, который надо строить.¹

Пханишварнатх Рену подобное Шукшину был недоволен с горесударственным устройством. Он хорошо понимал правду Независимости Индии 1947 года. Через свой герой в романе «Майла Анчал» («Грязное покрывало») он утверждает:-

यह आज़ादी झूठी है! देश की जनता भूखी है!² «Это свобода является ложной! Народ голоден!»

¹Шукшин В. Вопросы самому себе, Москва, Молодая гвардия, 1981, стр. № 48.

²येणु रचनावली - 2, संपादक - भारत यायावर, राजकमल प्रकाशन, नई दिल्ली, 1995, पृष्ठ संख्या - 226.

Между Шукшиным и Рену наблюдается значительное сходство в области художественной формы. Одна из главных особенностей рассказов Шукшина и Рену это их легендарная краткость или лаконичность. Оба писатели имели удивительный талант передать очень много в исключительном коротком объёме. Изображая жизнь в лаконичной форме, они при этом делали упор на описание мелочей. Мелочи жизни стали предметом художественного изучения в их творчестве. Вот почему в рассказах Шукшина и Рену нет крупных героев, нет больших событий. Их персонажи самые обыкновенные люди, которые живут и действуют в самом обыкновенном обстоятельстве. Читая их рассказы, мы сразу чувствуем что рассказ можно писать о чём угодно. Любая тема, любое явления может стать предметом изображения в их творчествах. Они хотели показать жизнь как она есть, без всякого переувеличения, без всякого украшения. Оба писатели применяли такой метод изображения жизни, который показали жизнь простых деревенских людей, раскрыл их душевную чистоту

Сходство наблюдается и на уровне языке произведений этих двух писателей. Оба писатели употребляют живой разговорный язык простого народа в своих произведениях. Они употребляют очень много метафор, сравнений, пословиц и поговорок, которые употребляются простыми людьми в их ежедневном разговоре. Такие языковые особенности в значительной мере объясняют их популярность среди народных массе. Чтобы ярче передать местный колорит, достичь большей выразительности языка, Рену и Шукшин широко используют элементы диалекта. Читая их рассказы мы оказываемся в гуще деревенской жизни. Говоря словами известного лингвиста Виноградова «В голосе великолепного художника часто слышится голос всего народа³». Диалектные элементы в произведениях используется на фонетическом и лексических уровнях.

Фонетические диалектизмы в творчестве Рену.

रमैन – रामायण «рамайн – рамаян» - индусский религиозный эпос

डलेवर – ड्राइवर «далевар - драйвер» - водитель

लातफारम – प्लेटफार्म «латфарм - платформ» - платформа

Лексические диалектизмы в творчестве Рену.

कनिया – दुल्हन «канья - дулхан» - невеста

किरिया – कसम «кирия – касам» - обещание

चिप्पी – राशन «чиппи – рашан» - рацион

Фонетические диалектизмы в творчестве Шукшина.

³ Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М., 1981, стр № 121

«Счас я. значит, доеду до дому. Мишка Бычков напишет на тебя характеристику» «Материнское сердце»

«Она бабочка-то ниче. с характером» «Жена мужа в Париж провожала»

Лексические диалектизмы в творчестве Шукшина.

Даве (давче) – недавно «Материнское сердце»

Способитесь – помогите «Материнское сердце»

Заполошничала – кричала «Чудик»

В заключение, можно сказать, что сравнительное изучение рассказов Шукшина и Рену показывает, что судьба простых деревенских людей в двух странах является универсальной. Мы обнаруживали присутствие в их творчестве аналогичных художественных принципов, аналогичных тем и проблем которые волновали их. Многие критики называют Шукшина «бытописателем» и тем же можно назвать индийского писателя Рену за его блестящее описание деревенской жизни Индии. Они являются великим мастером слов, в творчестве которых предметом изображения стали деревенская жизнь и деревенщики.

Библиография

- Chandrabhanu Sitaram Sonwane, Kathakar Phanishwarnath Renu, Jaipur, Panchsheel prakashan, 1979.
- Hansen Kathryn, Renu's Regionalism, Language and form, The Journal of Asian Studies, Vol. 40, No. 2 (Feb. 1981), pp no. 273-294.
- <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2011-1/5-stopchenko.pdf>
- Shefalika, Renu ka katha sansar, New Delhi, Radhakrishna prakashan, 1996.
- Алухтина В.А, Проза В. Шукшина, М., 1981.
- Жирмунский В.М, Сравнительное Литературоведение, Ленинград, Наука, 1979.
- Стопченко Николай, В.М. Шукшин во взаимосвязях и взаимодействии цивилизаций.
- Чернышев В.А, Певец индийской деревни, Иностранная Литература, 1961, № 3.
- Шукшин В. Вопросы самому себе, Москва, Молодая гвардия, 1981

**The Image of India in the Travelogue of Elena Blavatskaya
“From the Caves and Jungles of Hindostan”**

Ranjana Banerjee

Travelogues play an important role in the field of cross cultural studies. This form of literature based on factual journeys serves as one of the primary medium of information, be it historical, geographical or topographical, for various field of studies, primarily comparative literary studies. At times it served as a gateway to an alien land and the root cause to the development of various contacts, specifically at a time, when various form of mass media was not much developed.

The travelogue “Voyage Beyond the Three Seas” by Afanasy Nikitin, a Russian merchant and adventurer from the city of Tver, was the first Russian travel literature of its kind on India. Nikitin’s vivid description of the various facades of southern India, based on his sojourn, undoubtedly intensified the interest of the Russians in the land of the snake charmers. This XV century travel document till date is one of the most reviewed Russian works.

Subsequent to Nikitin many Russians set their foot in India and came up with their travel accounts, notable amongst which is the travelogue by Elena Blavatskaya, the person considered to be responsible for ‘introducing Eastern philosophy to the western world’. The travel literature “From the Caves and Jungles of Hindostan” is based on her visit to India in the year 1852.

Travelogues have played a key role in the field of cross-cultural studies through the ages. This very form of literature based on factual journeys serves as one of the primary mediums of information, be it historical, geographical or topographical and various more, for various fields of studies, primarily comparative literary studies. Often, it served as a gateway to an alien land and had been the root cause of the development of various contacts, specifically at the time when various forms of mass media were not much developed.

The travelogue of the Russian merchant and adventurer from the city of Tver Afanasy Nikitin “Voyage Beyond the Three Seas”, was the first Russian travel literature of its kind on India. Nikitin’s vivid description of the various facades of southern India, based on his sojourn, undoubtedly intensified the interest of the Russians in the land of the snake charmers. This XV century travel document till date is one of the most reviewed Russian works.

Subsequent to Nikitin, many Russians set foot in India and came up with their travel accounts, notable amongst which is the travelogue of Elena Blavatskaya. She was one of the founder members of the Theosophical society. In the year 1875, Blavatskaya, along with the American military officer, journalist and lawyer Colonel Henry Steel Olcott, established the Theosophical Society in the United States. One of the main purposes of this Society was “to form a nucleus of the Universal Brotherhood of Humanity, without distinction of race, creed, sex, caste or color”.¹ The major themes of Theosophy are discussed in several works of the Blavatskaya, like *The Secret Doctrine*, *The Key to Theosophy*, *The Voice*

of the Silence, to name a few. The author of the work “Image of India in Russian Literature” notes that the Theosophical society and E.P.Blavatskaya have played an important role in promoting Indian culture in Russia, which found its reflection in literature too. She further adds, that the various principles of oriental religion, predominantly Buddhism, introduced by the Theosophical society, had a mass appeal, even amongst the writers.²

India had left a huge impact on Elena Blavatskaya. Blavatskaya marks, “India is the country of originalities and everything unexpected and unconventional.Everything contradicts our Western ideas. The Hindus are strange and original, but their religion is still more original. It has its dark points, of course. The rites of some sects are truly repulsive; the officiating Brahmins are far from being without reproach. But these are only superficialities. In spite of them the Hindu religion possesses something so deeply and mysteriously irresistible that it attracts and subdues even unimaginative Englishmen. “

The travel literature “From the Caves and Jungles of Hindostan” is based on her first visit to India in the year 1852.

A descendant of the founder of Moscow-Yuri Dolgorukii, Elena Blavatskaya was born on 12 August 1831, at Yekaterinoslav (Dnepropetrovsk) into a family of nobles. Her mother Helena Hahn was an established writer and her father, Peter Hahn, an officer. Blavatskaya was a multifaceted personality. She spoke five languages, had a keen interest in various disciplines like archeology, numismatics, botany, theology, and philosophy. An avid traveller, she had travelled through Canada, Mexico, England, Persia, Syria, Lebanon, Jerusalem Egypt, Greece Italy, and India. Commenting on H.P. Blavatskaya’s rich experience, that she gathered in the process of her wide and varied travels, the theosophist, V. Jelihovsky affirmed, “she returned from the travels as a human gifted by exceptional features and forces amazing all the people around her”.³

Elena Blavatskaya’s travelogue on India "From the Caves and Jungles of Hindostan" is a compilation of 36 essays penned in a span of seven years (1879 to 1886). The work published under the pen name Radda-Bay, is a well-explored travel document with a deep insight on historical, geographical and philosophical background of India. It was originally published in Russian as “Letters From the Caves and Jungles of Hindustan.” Blavatskaya affirmed that all the evidences and characters in this work are real. The names of the chapters clearly throw a light on its subject matter. In Bombay, On The Way To Karli Caves, A City Of The Dead, Brahmanic Hospitalities, The Banns Of Marriage, An Isle Of Mystery, Jubblepore are some of the chapters discussed in the paper.

Blavatskaya's vivid description of various spots with historical and mythological inputs, be it Mumbai, Benares, Prayaga (Allahabad), Nasik, Hardwar, Badrinath, Matura, the rivers such as Godavari, Hindu Ghats, sacred Ganges speaks of her keen interest in the country and immense research work done in the process.

For instance, the first chapter of the book sets off with an explanatory note on the name of the city of Bombay. The author writes:

"The island of Bombay, designated by the natives "Mumbai," received its name from the goddess Mamba, in Mahrati Mahima, or Amba, Mama, and Amma, according to the dialect - a word meaning "the Great Mother." Hardly one hundred years ago, on the site of the modern esplanade, there stood a temple consecrated to Mamba-Devi.⁴

The above paragraph from the work is proof of her detailed study on the etymological and historical background of the place. Similarly, she introduces the readers to important points of Bombay (Mumbai) and various other places of India, giving an insight into prehistory along with the detailed picture of the place.

A keen observer, the author very rightly brings forth the unique features of the enigmatic land, India.

India is the land of legends and of mysterious nooks and corners. There is not a ruin, not a monument, not a thicket, that has no story attached to it. Each of the three hundred and thirty million deities of the Hindu Pantheon has its representative in something consecrated to it, a stone, a flower, a tree, or a bird. Everything seems unusual, unexpected, and striking, even to one who has travelled in Turkey, Egypt, Damascus, and Palestine.⁵

With the flow of time, this land of ancient civilizations broke into cultural dialogue with the surrounding world, which invariably left an impact on its culture and Blavatskaya's keen eyes did not miss it. She was quite amused to see an icon of dusky Madonna in a Catholic procession of the native Portuguese. The traveller from the West rightly noted the confluence of two cultures- east and west, the indianization of the Christian icon:

Under a baldachin is a litter, on which swings to and fro a dusky Madonna dressed after the fashion of the native goddesses, with a ring in her nose. In her arms she carries the holy Babe, clad in yellow pyjamas and a red Brahmanical turban. "Hari, hari, devaki!" ("Glory to the holy Virgin!") exclaim the converts, unconscious of any difference between the Devaki, mother of Krishna, and the Catholic Madonna.⁶

The dusky Madonna with a nose ring, Christ in pyjamas and turban reminds one of Goddess Yashoda and Gopal, whereas 'hari hari devaki' hums like the Shiva shloka 'Hara hara Mahadev'. Undoubtedly, this is a true example of assimilation, indianization of Christianity.

Going with the belief, that everything is well perceived through comparison, the author tries to reveal the Indian specificities through comparative analysis. For example, the chivalrous Maratha leader Shivaji is compared to Ilia Moorometz, the legendary bogatyr, the knight from the medieval Russian literature. She

remarks, *Shivaji is a kind of Indian Ilia Moorometz, though his epoch is much nearer to our times.*⁷

The comparative method is not only applied to define various characters, it is also used for describing historical monuments, architecture. The architecture of Jama-Masjid reminds the author of the Acropolis in Athens. Similarly, the marvelous railroad from Narel to Khandala is compared to the line from Genoa up the Apenines (USA). Solely a person of wide experience and knowledge could have drawn such affinities between the various historical, geographical figures and monuments.

Noteworthy is the mode of narration of the age-old feud between the two sects of Brahmans-Shivaites and the Vishnuites in the chapter *Vanished Glories*. Referring to the local meaningless feud of the sects, the author states,

*On the subject of this tail(Hanuman's tail) were written more reams of paper and petitions than in the quarrel about the goose between Ivan Ivanitch and Ivan Nikiphoritch; and more ink and bile were spilt than there was mud in Mirgorod, since the creation of the universe!*⁸

The narration is an endeavor of the writer to perceive India through her own culture and decoding the dialogue of cultures, demands true knowledge of Russian culture, specifically literature. Ivan Ivanitch and Ivan Nikiphoritch from the Ukrainian city of Mirgorod, are the two famous characters in constant tussle from eminent Russian writer N.Gogol's story, written in grotesque form "The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich".

The traveller from Russia was not merely satisfied by whatever she captured through her eyes, rather, she tried to cognize all from a historical perspective and this makes her travelogue, not solely confined to her visual memories, very significant. For instance, on meeting the Bengali babus, Blavatskaya does an overall survey of the community and her conclusive remark was quite accurate. She notes,

*Bengali Babus are born clerks; they invade all railroad stations, post and telegraph offices and Government law courts. Bengal has never as yet produced a single soldier out of its sixty-five million inhabitants. Not a single Bengali is to be found in the native regiments of the British army. This is a strange fact, which I refused to believe at first, but which has been confirmed by many English officers and by Bengalis themselves. But with all this, they are far from being cowardly.*⁹

Blavatskaya was well aware of the cultural transformations taking place in the Bengali state. She mentions in the work about the atheist wave engulfing the younger generation during that point of time. The conflict between the conservatives and the liberals of Bengal is well explained through the note on practice of "Pancha-Gavya"(the ritual of resurrection) for undertaking a voyage over Kalapani, the black water sea (denoting a visit to a foreign land).

Undoubtedly, unlike the previous Russian travelers to India, Blavatskaya had a fair knowledge of the country and its cultural heritage. The detailed accounts on the teachings of Dayanand Saraswati, the customs based on the law of Manu, the caste system, all find their place in her writing. Her knowledge and understanding of Vedic culture resonates in her critical approach to the customs of child marriage and sati pratha, which she very aptly cites as being contradictory to the Vedic principles.

The following excerpts from her work are an endeavor by the traveller to provide her readers with an overall view of the Hindu culture and its exclusivity.

*India is the country of originalities and everything unexpected and unconventional. From the point of view of an ordinary European observer, every feature of Indian life is contrary to what could be expected. Shaking the head from one shoulder to another means no in every other country, but in India, it means an emphatic yes. If you ask a Hindu how his wife is, even if you are well acquainted with her, or how many children he has, or whether he has any sisters, he will feel offended in nine cases out of ten... Everything contradicts our Western ideas. The Hindus are strange and original, but their religion is still more unique. It has its dark points, of course. The rites of some sects are truly repulsive; the officiating Brahmans are far from being without reproach. But these are only superficialities. In spite of them, the Hindu religion possesses something so deeply and mysteriously irresistible that it attracts and subdues even unimaginative Englishmen.*¹⁰

She rightly observes that all the important incidents in a man's life, all the activities of a man, from his birth to death were performed strictly according to a certain ritual, certain norm, defying which could lead to expulsion from his caste. The power of a Brahmin in the hierarchal society is defined in a unique manner. She comments,

*The Brahmans may be compared to the musicians of an orchestra in which the different musical instruments are the numerous sects of their country.*¹¹

Her great understanding of the Vedic culture and admiration for the same reverberates in the following lines:

*The Vedanta has taught for thousands of years what some of the German philosophers began to preach at the end of the last century and the beginning of this one, namely, that everything objective in the world, as well as the world itself, is no more than an illusion, a Maya, a phantom created by our imagination, and as unreal as the reflection of the moon upon the surface of the waters. The phenomenal world, as well as the subjectivity of our conception concerning our Egos, is nothing but, a mirage.*¹²

On few occasions though, Blavatskaya proves to be quite judgmental and at times misleading. Her views against the Brahmans overall is quite biased. Calling the Brahmans treacherous enemies of the people Blavatskaya demeans the sect by remarking:

*the Brahmans never stopped at disfiguring their ancient sacred literature;*¹³

Likewise, she seems to be quite critical of the various reforms taking place in India in favor of monotheism. Referring to the activities of Raja Ram Mohan Roy, Babu Keshab Chandra Sen, she states “neither of them had much success. They did nothing but add new denominations to the numberless sects existing in India.”¹⁴

One of the vital problem of travelogues, the problem of 'facts vs. myths' (incorrect interpretation), which is discussed in her work in context of the first Russian travelogue, ironically is traceable in her own work too. As an example, one could refer to her statement on Hindu men seeking salvation after the age of forty, which was definitely not relevant during the period she visited India. Another example of such myth is her declaration, that that the owl is sacred to Bhavani Kali.

In spite of the few shortcomings of the travel document, one cannot undermine its significant contribution. Her essays give a complete picture of the places the author voyaged.

The work is not only rich in its content; it stands out equally due to the beautiful mode of expression. The various descriptive passages in the text depicting the landscape of the place visited demonstrate Blavatskaya's ornamental language. The following lines from the chapter “*On the Way to Karli*” are a proof to it.

*It is an early morning near the end of March. A light breeze caresses with its velvety hand the sleepy faces of the pilgrims; and the intoxicating perfume of tuberoses mingles with the pungent odours of the bazaar.*¹⁵

In conclusion it could be said, that Blavatskaya's wide interest and expertise in different fields reverberates in her portrayal of India. The image of India is captured in her book through her eyes of a writer, philosopher, historian, linguist, theologian. Rich in content and form the travelogue of Elena Blavatskaya, played a significant role in introducing Eastern culture to the Western world.

Bibliography

- Fiskovets Elena V. Image of India in Russian Literature (In Russian)
- From the Caves and Jungles of Hindostan, by Helena Petrovna(In Bombay)
- Helena Blavatsky (Writer) - Pics, Videos, Dating, & News
- Three Objects - The Theosophical Society in England
www.gutenberg.org/files/6687/6687-h/6687-h.htm
www.petrus.ru/files/2011/03/f4312_1.doc -
www.spokeo.com/Helena+Blavatsky+1
www.theosophical-society.org.uk/html/objectives_fundamentals.htm

Lev Nikolayevich Tolstoy in Marathi Polysystem

Megha Pansare

Translation is a medium connecting distant civilizations and serves a purpose of introducing new thoughts and values to the target cultures. The modern translation theories offer the feasibility of evaluating translations from a new perspective.

Most of the works of Tolstoy have become a part of literary systems of various languages through translation. Tolstoy has been loved and widely read by Marathi readers. He has been one of the two most translated Russian writers in Marathi, the other being Gorky. This is an attempt to review the context and through context find out the role of Tolstoy and his translated works in Marathi polysystem.

Lev Nikolayevich Tolstoy (1828-1910) is well-known as a writer, who conveyed realistically the Russian society in which he lived. It is rightly said that Tolstoy's work is not an art, but a piece of life, a mirror of the Russian society. However, Tolstoy is not confined to the Russian Society. Tolstoy is a genius influencing the generations of readers worldwide through his philosophy as well as literature, may it be his epic work like *War and Peace*, *Anna Karenina* or a short story like *How Much Land Does a Man Need?* the works still have relevance for contemporary human civilizations.

Most of the works of Tolstoy have become a part of literary systems of various languages through translation. Translation is a medium connecting distant civilizations and serves a purpose of introducing new thoughts and values to the target cultures.

Target-oriented approach to translation:

The modern cultural and functional translation theories offer the feasibility of evaluating translations from a new perspective. Instead of studying the translation activity as an isolated, purely linguistic and source-text (ST) oriented phenomenon, they provide a broad systemic approach to translation. Target- and function-oriented translation theories involve the description of the function [of translations] in the recipient socio-cultural situation. 'It is a study of contexts rather than texts'. It is also called cultural-studies-oriented translation.

Contextual analysis reveals interesting facts about the target text and its translation. The contextual study of a target text may take into consideration the factors like what was the translator's intention behind the choice of a particular literary work for translation, the literary taste of the translator, what was the literary compulsion of the polysystem of target culture and was there any institutional role involved and the ideological factors, if any.

Along with the primary tools like Source Text and Target Text, the para-textual tools such as the preface of the translation, introduction, blurb, review, commentaries, publishers' note, reference essays, articles help the researcher to find the context as well as the functional role of the translated text in the target culture.

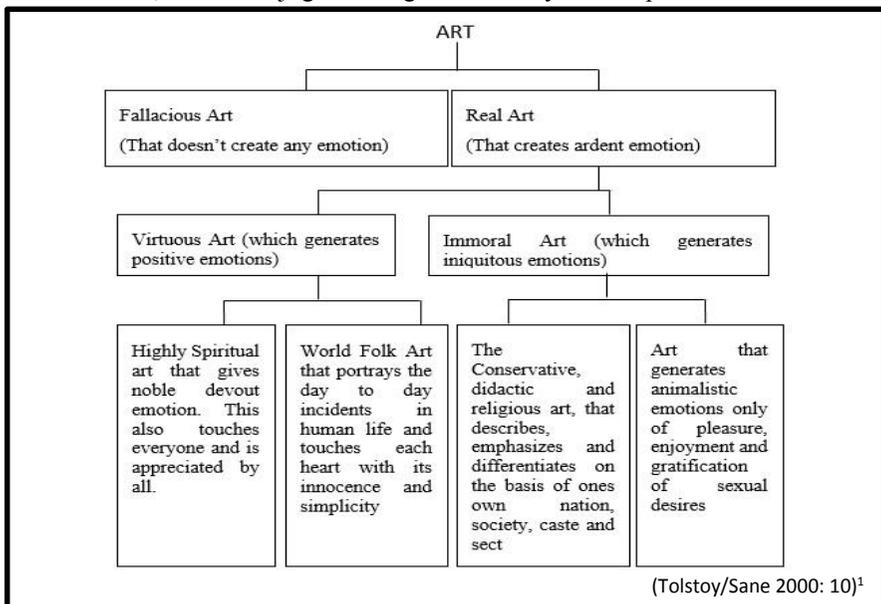
Tolstoy in Marathi Polysystem:

Tolstoy has been loved and widely read by Marathi readers. He has been one of the two most translated Russian writers in Marathi, the other being Gorky. This is an attempt to review the context and through context find out the role of Tolstoy and his translated works in Marathi.

1. There is a book-series (five volumes) entitled *Count Tolstoy* published in 1919 in Marathi. These books introduce the Marathi reader to the biography - life and works - of Tolstoy. This seems to be a very significant work for Marathi polysystem as it was a time when Marathi was developing in the conditions of colonial rule. During the 19th century the expansion of imperial Russia threatened to destroy the so-called *jewel in the crown* of the British Empire, that is, India. There is a rivalry and strategic conflict between the British Empire and the Tsarist Russian Empire for supremacy in Central Asia. The British tried to keep Indians unaware of the life of the people in Russia by denying access to accurate information about Russia. In the beginning of 20th century Russia was understood and Russian literature was read mainly through English writings or translations in underground form.

2. Sane Guruji (P.S.Sane:1899-1950), a follower of M. Gandhi, is one of the highly respected freedom fighters in Maharashtra. He is well-known to Marathi readers for his novel *Shyamchi Aai* (Shyam's Mother), which was also filmed in Marathi. His book *God Goshti* (Sweet Stories) includes simplified and abridged versions of world classics like Hugo's *Les Miserable* and Goethe's *Faust*. He translated Tolstoy's book *What is Art?* (1897) entitled *Kala Mhanaje Kay?* in 1934, when he was in prison as a freedom fighter. He aimed at enriching Marathi by getting world's best in it through translation. This translation of Tolstoy's book has been a great contribution of Sane Guruji to Marathi literary polysystem.

In the Preface, Sane Guruji gives the gist of Tolstoy's concept of Art as follows:

The period when Sane Guruji translated this book has a long historical and political implication. Though Marathi had a long rich tradition of oral literary culture for centuries, it did not have a tradition of prose writing especially for educational and intellectual discourse as Sanskrit was the language of Brahmin elite class, who had a privilege of education. The literary system of Marathi developed mainly through translations during the nineteenth century. Translation became the chief point of textual and cultural contact between the colonial rulers and the colonized natives. The effect of Western impact on Marathi literature came in several stages. In the initial stage, most of the efforts was directed at translating the classics of English literature. But soon, the new writers and translators were exposed to entertaining books published in the periodicals or journals or to the second rate novelists. Exposure to English plays opened up a new form of entertainment for the middle class. We find the dominance of adaptations and then that of faithful translation. But soon translations gave way to trans-creations and independent literary writings. The literary culture got a major impetus, when independent writers tried to break away from the established canon of subject matter, readership and composition. It was then when Marathi reader turned towards Russian literature.

The translation of Tolstoy's *What is Art?* positively contributed to the discussion on the purpose of Art that was going on in Marathi literary world. This was an attempt to answer the proponents of the view *Art for Art's Sake*. Sane Guruji explains in a simple manner how Art can play a nourishing role in human life.

The third edition of the book was published in 2000. The blurb says:

The book originally is outstanding. It has become especially interesting because of Sane Guruji, a translator with a style, who identifies himself with the thoughts and emotions of Tolstoy. "It is not Art that cannot create virtuousness", is the main theory which it presents and makes a subtle analysis of it in a literary language.

(ibid. Blurb)

The publisher's note in this new edition talks about Sane Guruji's relevance in modern life. It says:

Some may say that Guruji's literature has now become outdated. When the flow of foreign investment is coming into our country, the insistence on *Swadeshi* may be felt foolish. But the foreign investment is taking us to another dependency. If we realize this, then we may understand the need for *Swadeshi* even today.

(ibid. Translation from Marathi)

Referring to the collapse of Soviet Union it further says,

We say now that communism has collapsed. But, have the labour unions collapsed? If they are still strong, then it cannot be said that the problem of the poor is resolved.

(ibid. Translation from Marathi)

Tolstoy and his thoughts on Art have reached Marathi readers through the translation of Sane Guruji. At the same time the contextual tools seem to perform a function of connecting the contemporary Marathi reader to its relevance to present economic, political and cultural developments in India.

3. A report of an international seminar held in Delhi in December, 1960 was published in the Marathi periodical *Satyakatha* in February, 1961. It was written by well-known Marathi writer Shankar Sarada. It quotes John Venn (1834-1923), England as:

“Some of us knew Tolstoy only as an artist; some of the others knew Tolstoy only as a philosopher. But Tolstoy, as it seems now, is larger than Russia-Europe.”

(Sarada 1961: 14. Translation from Marathi.)¹

He also quotes Stephen Spender (1909-1995), United Kingdom saying:

Till today we used to look at Tolstoy as an artist. We did not have the least idea that he has certain significance as an ethicist and a philosopher. However, we observe here in India that Tolstoy's this personality is more known and more meaningful... This seminar has performed a valuable responsibility of bringing together both the aspects of Tolstoy.

(ibid.)

This reflects a clear impression on the European scholars of how differently Tolstoy is perceived in India than in Europe.

4. G.P.Pradhan (1922-2010), a reputed socialist thinker, writes an article on the occasion of 50th death anniversary of Tolstoy. He shows how the autobiographical sketches of Tolstoy are an important part of his literary works. He expresses how Tolstoy's idea appeals his mind.

Suffering and anguish of a man, (Redemption through suffering), reduces his burden on the heart and frees him to find his way to salvation. This is a favourite idea of Tolstoy.

(Pradhan 1960: 46. Translation from Marathi.)²

5. In 1965 Charumati Bhagwat wrote a book on the last days of Tolstoy's life. Her work was based on a part of the book *Family Views of Tolstoy*³. While talking about the selection of this text she says that the last part of that book - 'Home Leaving and Death' written by Tolstoy's daughter Countess Aleksandra Tolstoy made a deep impact on her and so she decided to write it in Marathi.

¹ Sarada Shankar: *Leo Tolstoy – Ek Parisamvad*. Satyakatha. Jan., 1961. pp. 14. Print. Marathi.

² Pradhan, G.P.: *Decembrist: Na lihileli kadambari*. Saptahik Sakal. 29th April, 2006. pp. 44-45, 56. Print. Marathi.

³ Maude, Aylmer (ed.) Pub. George Allen & Unwin Ltd. (1926)

This episode describes in detail the real incidents from the moment Count Tolstoy left his home till his death.

(Bhagwat 1965: Preface. Translation from Marathi.)⁴

6. In 1974, Sumati Devasthale, a Marathi writer wrote the biography of Tolstoy. The book gives a comprehensive idea of Tolstoy's life to the Marathi reader. While relating Tolstoy with Gandhiji she says:

He met only one Ekalavya in the whole world in real sense, and that was Mahatma Gandhi. The whole philosophy that Gandhiji implemented in his life was announced by Tolstoy quite earlier.

(Devasthale 1974: 5. Translation from Marathi.)⁵

Both of these books helped the Marathi reader to understand various aspects of Tolstoy as a human being, a writer and philosopher.

7. Even the 21st century Marathi literary polysystem expresses its need to have a dialogue with Tolstoy. G.P.Pradhan writes a series of letters to Tolstoy about his unfinished novel *The Decembrist*. This was published in the periodical *Saptahik Sakal* (2006).⁶ Pradhan feels sorry that Tolstoy could not complete his novel *The Decembrist*. He makes an attempt to compare the situation of Russia during 1870-1880 with that of India during and after the independence period. He explains how like the Decembrists, the disillusionment among the youth here that forced them to choose the path of revolutionary movement with arms in hands and turned them into *Naxalites*. Tolstoy did not agree with the Decembrists' path of violence or armed revolution. Pradhan too, had the same view about *Naxalites* earlier. However his recent views express a feeling that if there is no social movement with a peaceful way in the existing system and if there is no justice even after independence- what answer can one give to the revolutionary youth? He wants to know what Tolstoy would have written in his novel about the principle of non-violence to eradicate injustice done to poor people.

This seems to be a great intellectual as well as emotional bond between a Marathi thinker Pradhan and Tolstoy. The concepts like poverty and affluence, justice and injustice, violence and non-violence, reforms and revolution have universal nature and Marathi polysystem wishes to turn to Tolstoy for his philosophical views.

8. Much has been written on Tolstoy and his works in Marathi. The Marathi reader has taken interest not only in the literary works, but also in Tolstoy as a person and his philosophy. The people in Maharashtra see Tolstoy primarily as a teacher of morality.

A Marathi critic Prabhakar Machwe finds Tolstoy's influence on the stories for children by Sane Guruji and didactic tales written by V.S.Khandekar. ...

⁴ Bhagwat, Charumati: Preface. *Leo Tolstoycha Gruhatyag v Mrutyu*. Pune: Venus Prakashan. 1965. Marathi.

⁵ Devasthale, Sumati: *Tolstoy – Ek Manus*. Mumbai: Rajhans Prakashan. 1974. Marathi.

⁶ Pradhan, G.P.: *Decembrist: Na lihileli kadambari*. Saptahik Sakal. 29th April, 2006. pp. 44-45, 56. Print. Marathi. The English version of the book - *Letters to Leo Tolstoy* - has been published in 2007 by Popular Prakashan, Mumbai, while the Russian version was published in 2009 by Sadhana Trust, Pune.

Prabhakar Machwe finds that Anna Karenina, Resurrection, and the story The Kreutzer Sonata made their mark on the novels of W.M.Joshi (Marathi)...
(Chelyshev 1985: 76)⁷

9. Tolstoy's fiction in Marathi:

The following literary works of Tolstoy have been translated into Marathi.⁸

Novels - 9: *Ivan the Fool, 1886* (1938, 1954), *The Kreutzer Sonata, 1889* (1944, 1950), *Cossacks, 1863* (1947, 2000), *The Devil, 1889/1909* (1947), *War & Peace, 1889* (1959, 1962), *Resurrection, 1899* (1981, 1983) and *Anna Karenina, 1878* (1989), *A Family Happiness, 1859* (1997), *A Confession, 1882* (2007).

Collections of Short Stories - 9: 1934, 1942, 1946, 1947, 1947, 1948, 1984, 1989, 1993

Plays - 2: *The Cause of it All, 1910* (1932, 1984) and *The Plays of Tolstoy: The Power of darkness, 1886 and The Cause of it All, 1910* (1937)

Since 1932 we have 21 books of Tolstoy's works in Marathi polysystem. Great Indian scholar Dharmanand Kosambi introduced Tolstoy's short novel *Ivan - the Fool* to Marathi readers in 1938. It is interesting how the source texts and target texts do not show any relation between the time frame and their functional value. Marathi literary system appropriates Tolstoy's works published in the 19th century and in the beginning of the 20th century as per its own need. A novel like *Cossacks* written by Tolstoy in 1863 can be translated and published in Marathi in 1947 and also in 2000.

Tolstoy's literary works have greatly contributed to Marathi literary polysystem. The language, style and different themes he touched in his works not only introduced Marathi reader to Russia and Russian people, but also to a new thought. This can be seen in the contextual study of his literary works. Here is a case of his novel *The Kreutzer Sonata*.

Contextual Analysis of *The Kreutzer Sonata*

The Kreutzer Sonata is a novella by Leo Tolstoy, published in 1889. It was promptly censored by the Russian authorities. The work is an argument for the ideal of sexual abstinence. It emphasizes Tolstoy's controversial view on sexuality, which asserts that physical desire is an obstacle to relations between men and women and may result in tragedy. At the same time it is an in-depth first-person description of jealous rage.

In Marathi, the novel has been translated twice: the first translation was done by Bhausaheb Mantri in 1944 and the second version is done by G.B.Nirantar in 1950.

In the preface to the first translation, well-known Marathi critic Mr. S.K.Kshirsagar writes that it was afore thirty years (may be in 1914 –Tran.) when

⁷ Chelyshev, Y. and Litman A.: *Traditions of Great Friendship*. USSR: Raduga Publishers. 1985. English.

⁸ Year(s) of publication of Marathi Translation(s) is given in the bracket.

the periodical *Lokshikshan* introduced Tolstoy to Maharashtra as ‘Maharshi Tolstoy’ (Great *Rishi* Tolstoy). Since then many of his works have been brought into Marathi. The English translations of Tolstoy were available for the educated youth. He also says that the novel *The Kreutzer Sonata* is coming ‘to Marathi readers in Marathi costume’. He talks about the literary taste of a contemporary Marathi reader:

The book has everything that a Marathi reader desires to read about. It has an account of a crime, a story of moral degradation, a note of internal streams of inner soul. Here a husband has murdered his wife. The husband himself has described the adultery of his wife. The assassin himself has made deep analysis of his killer psyche while having sips of tea! To sum up, this is the soul food fulfilling all the desires of a modern mind from a ‘crime-story’ to psycho-analysis. Moreover, a demand of Marathi readers of curbed volume and price has also been fulfilled by Tolstoy in case of this book.

(Tolstoy/ Mantri 1944: Preface 4. Translation from Marathi.)⁹

Kshirsagar strongly criticizes the followers of ‘Stream of Consciousness’, saying that it was a new subtype of realism propounded by Zola in Europe that gradually started becoming artificial day by day.

A piece of art does not mean an identical portrayal of external appearance (or even interior) of an object, but a depiction of joy experienced in the reflection of beauty or a discovery of sense, and the reality is helpful only in expression of that sense or beauty...

(*ibid.* 7)

*Here, Kshirsagar acclaims Tolstoy and his literary style in *The Kreutzer Sonata*: While reading *The Kreutzer Sonata* the readers may feel that they are actually having a real, in person conversation about some dreadful incidents in a Russian man’s life who is half-Asiatic, sentimental, emotionally hurt and ready to sacrifice his life. While talking to a person who is narrating about his wife’s adultery and her murder, a reader will not sense even Tolstoy’s shadow...*

(*ibid.* 7)

Then he relates Tolstoy’s writings with Christianity, the teachings of Bible and its influence on Tolstoy. He also relates Christ, Tolstoy and Gandhi. Sexual debauchery has a dual end, a spiritual death and social criminality. People like Tolstoy consider spiritual death more dreadful.

(*ibid.* 9)

To conclude, the teaching of this short ‘crime story’ or a small confession is the same as the teaching of Bible. And this teaching can be presented in three sentences.

‘Death is the remuneration for sin.’

‘You are not the person who decides who is the sinner.’

‘Only he, who has a pure/sinless behavior, may slap an adulterous woman!’

(*ibid.* 11)

Kshirsagar talks about another interesting factor which is important in translation process. He feels that a translator can translate effectively, if he has led

⁹ Tolstoy, L./ Tran. Mantri, Bhausaheb: *Jarini*. Preface. Pune: Rajhans Prakashan.1944. Marathi.

a life similar to the author of the ST in reality. The translator Bhausaheb Mantri came from a well-known noble family like Tolstoy. He, too, had enjoyed fully a luxurious life, was a reckless, generous and intelligent man from a reputed family. Kshirsagar feels that a person like Mr. Mantri, who has seen all the sides of life and enjoyed the luxury to the fullest, experiences a kind of disillusionment after crossing the age of 35 years and hence, he can easily understand Tolstoy's writing.

Lastly, he calls *The Kreutzer Sonata* an excellent model of Gandhian art because in his view Gandhism is the ultimate form of Tolstoy's thought.

The translation of this novel by Bhausaheb Mantri is a kind of adaptation, transforming the proper names, geographical locations and other cultural realia those of India. For example, the hero Pozdnyshv becomes Bhausaheb Sumant, the violinist becomes a harmonium player and *The Kreutzer Sonata* becomes *raga Meghmalhar*. The mention of marriage-knots bound by God, sari / *lugade* / soaked in blood and *bin kasotyachi patale* (a 9 yard sari) relates the text with the Indian, especially Marathi culture. But it is not a total transformation of the original text. At the same time, it has a mention of men and women wearing overcoats with soft silky fur on their collar, fur caps, inner jacket and silk shirts, discussions on the problem of increasing number of divorces in Europe and Russia, boating party etc., which relates the text to a foreign culture. Hence, the translation becomes a form of neither domestication, nor foreignization.

The ideal of sexual abstinence has prevailed also in India since long. The views expressed in the novel on sexual abstinence as well as on the marriage system, man-woman relation and adultery etc. seem to have made the contemporary Marathi readers take interest in it. Hence, there are two versions of the same novel.

To conclude, the contextual study of Marathi writings on Tolstoy and his fiction reveals deep interconnections between a Russian author, his philosophy and Marathi polysystem. The target-oriented study of translation discovers various aspects of the choice of the literary work by target culture, the translation strategy adopted by the translator as well as its functional role in the target culture.

Bibliography

- Bhagwat, Charumati: Preface. Leo Tolstoycha Gruhatyag v Mrutyu. Pune: Venus Prakashan. 1965. Marathi.
- Chelyshev, Y. and Litman A.: Traditions of Great Friendship. USSR: Raduga Publishers. 1985. English.
- Devasthale, Sumati: Tolstoy – Ek Manus. Mumbai: Rajhans Prakashan. 1974. Marathi.
- Mule, Veena: Marathi Anuwad Granth Suchi. Mumbai: Maharashtra Rajya Sahitya v Sanskruti Mandal. 1998. Marathi. Pradhan, G.P.: Decembrist: Na lihileli kadambari. Saptahik Sakal. 29th April, 2006. pp. 44-45, 56. Print. Marathi.
- Pradhan, G.P.: Tolstoycha Sahitya Sansar. Navbharat. December, 1960. pp. 42-47. Print. Marathi.
- Sarada Shankar: Leo Tolstoy – Ek Parisamvad. Satyakatha. Jan., 1961. pp. 14. Print. Marathi.

- Tolstoy L. / Tran. Kavali, Lalitagauri : Anna Karenina. Mumbai: Hemgauri Prakashan. 1989. Marathi.
- Tolstoy L./ Tran. Sarada, Shankar: Gruhasaukhya: Blurb. Pune: Vimal Prakashan.1991. Marathi.
- Tolstoy, L. / Tran. Bhuskute, V.M. Tolstoychi Natake. Ahmadnagar: V.M.Bhuskute. 1937. Marathi.
- Tolstoy, L. / Tran. Kosambi, D.D. Veda Ivan Mumbai: R.D.Desai. 1938. Marathi.
- Tolstoy, L. / Tran. Modak, S.H. Preface: Avghya Papanche Adikaran. Mumbai: Loksahitya. 1984. Marathi.
- Tolstoy, L./ Tran. Jagtap, Baburao: Preface: Tolstoychya Goshti. Jagtap Publishing House, Pune. 1934. Marathi.
- Tolstoy, L./ Tran. Mantri, Bhausahab : Jarini. Preface. Pune: Rajhans Prakashan.1944. Marathi.
- Tolstoy, L./Tran. Altekar, Bal : Saitan: Preface. Kolhapur: M.B. Alatekar. 1947. Marathi.
- Tolstoy, L./Tran. Hadap, V.V. : Sinhache Chhave. Preface. Kolhapur & Pune: Adarsha Vangmay Prakashan.1947. Marathi.
- Tolstoy, Leo / Tran. Sane, Sadashiv: Kala mhanaje kay? Pune: Karnatak Prakashan Sanstha. 1934/ 2000. Marathi.

New Realism in Roman Senchin`s Minus

Vinay Kumar Ambedkar

Minus is a novella, written by Roman Senchin in year 2002. In which Minus is a short name for the Siberian town of Minusinsk and name of a vodka brand. The novella is set in post-Soviet era, where Roman Senchin autobiographically narrates about a group of disillusioned young men, working in theater company, after the disintegration of Soviet Union. They have no inspirations and no more to do or die features, the only expertise they can carry is drinking heavily, doing drugs and sometimes sex. Author describes the story in such a manner, that reader is forced to visualize all the people and events, as if reader himself is part of that society and living there.

“The New Realism is a key phrase in Russia’s contemporary literary scene. It signifies the sudden shift away from the edgy, conceptual and avant-garde post-Soviet-period experimental literature. A shift to direct narrative prose, in which young writers interpret and frame the emerging reality of their radically new Russia.”¹ As Roman Senchin also narrates directly, in his novella ‘Minus’ he depicts the real situation of the people of Siberian region, How difficult, tough, hard and painful their lives have become in post soviet Russia and how their parents survived ?. In a way author is criticizing the system and looking for reasons why people are left alone in vain?

After the disintegration of Soviet Union in 1991, the contemporary Russian Literature became unpredictable. There were two types of literature, traditional literature of 90s owned and published by the state and the other upcoming literature attracting more and more readers, one can call it as non-commercial literature. The new upcoming Post-Soviet writers are highly talented and they carried out unexpected brilliant work in the field of Russian literary world. Putting back the faith of readers into its literature by fulfilling the purpose of literature as a mirror of society, on contrary to state owned literature of 90s. During the start of 21st century, Victor Pelevin, Lyudmila Petrushevskaya and Vladimir Sorokin appeared as torch bearers of the new changing Russian literature and one can only hail there their huge contribution. *Chapaev I pustota* by Pelevin is one of the best books of the time.

In the last decade, the literary process in Russia faced grave transition in society, culture and its people, which lead it into new level. This period of gap was filled by the Mikhail Elizarov`s *Bibliotekar*, which appeared in 2007 – a clear and ironic depiction of the bewildered and confused new generation of the that time in Russian society. Pelevin, Petrushevskaya and others through their literary works, slowly followed its past became more traditional by reflecting the various aspects of history and humanity of that time, bringing more stable discourses of the ironic past and leading to the future of Russian literary world.

¹ <http://www.housingworks.org/events/detail/the-new-realism-the-russian-novel-today-and-tomorrow-with-the-debut-prize-w/> (date:26th Jan. 2013 & time: 18:30)

The Contemporary Russian literature highlights the changing trends and as a true reflection of more optimism and hope through the traditional literary trends of past such as Dostoevsky and Leo Tolstoy. *Everyday Saints and Other Stories* by Shevkunov gained a lot of popularity and became one of the bestsellers by winning Big Book Award in 2012, which justifies the new changing trends. In words of the author: **“In this book I want to tell you about this beautiful new world of mine, where we live by laws completely different from those in “normal” worldly life – a world of light and love, full of wondrous discoveries, hope, happiness, trials and triumphs.”** It also tells about the huge influence of social intellectual and writer Dmitrii Bykov. His work *Ostromov* – talks about history of Soviet Union.

Today’s Russian literature is very big, offering a lot to its readers through various genres written by immensely brilliant and hugely gifted writers, which includes writers from all regions of Russia.

There are a few trends in Russian literature such as magic realism and new realism. Olga Slavnikova is considered as pure “magic realist” (or metaphysical writing), her work *Bazilevs* reminds us of stories by Chekhov and her magnum opus, *2017*, the winner of the Russian Booker prize in 2006, is one of her most unusual works.

“The New Realism is a key phrase in Russia’s contemporary literary scenario, which signifies the sudden shift away from the edgy, conceptual and avant-garde post-Soviet-period experimental literature. A shift to direct narrative prose, in which young writers interpret and frame the emerging reality of their radically new Russia.”² New realism shows traditional Russian psychological novel. Famous authors are Zakhar Prilepin, Roman Senchin, Babchenko, Denis Osokin, and Alexander Ilichevsky, whose literary works follow the traditions of classical psychological prose.

Novel *Anarhisty* by Ilichevsky and novels *Sankya*, *Grekh in stories* by Zakhar Prilepin follows the tradition of classical literature.

Roman Senchin is regarded as one of the strongest writers of the “new realism”. In his novel *Eltyshevy*, he depicts about fall of a very ordinary family.

Novella *Minus* is written by Roman Senchin in 2002. The novella is an autobiographical portrayal and set in post-Soviet era, where *Minus* is a short name for the Siberian town of Minusinsk and name of a vodka brand. Author lived with his family in Kyzyl, the capital of autonomous Republic of Tuva during Soviet-period, on the border of Mongolia, his parents were forced to move to Minusinsk, due to the nationalist tensions of non-Russian natives, immediately after the collapse of the Soviet Union. Earlier his parents worked under “ministry of

² Return of the Great Russian Novel: The New Russian Realism (R2) with Liesl Schillinger, 26th Jan.2013 & time: 18:30, <<http://www.housingworks.org/events/detail/the-new-realism-the-russian-novel-today-and-tomorrow-with-the-debut-prize-w/>>

culture”in Tuva, holding high positions. In Minusinsk they had to sell strawberries and certain fruits and vegetable, which they cultivated in the land around their little home, which was forty kilometres away from the main town of Minusinsk on the Yenisei. They had had to leave behind everything in Kyzyl, they could only take some cash and some of their things with them. With which they bought a old small truck for their small business. Roman is the son of the old couple, who took the refuge in Siberian town, who is an educated man in his twenties, who finds work in the Minusinsk theatre as a stage-hand. He finds place for himself in a hostel and does his work in theatre with other fellow workers. The whole novella is about this group of young disillusioned men, working in a theater company. They have no aspirations in life or to do or die features, who totally depend on their work, whatever money they earn, they buy drinks and sometimes drugs too. Whose lives are insignificant, nobody cares about them, without having any aspirations in life, where everything is dull and deserted. The only fun he and his fellow man could have is vodka- minus and drugs. , the only expertise they have got is drinking heavily, doing drugs and sometimes sex. Author describes the story in such a way, that reader is forced to visualize all the people and events, as if reader himself is part of that society and living there.

In the Novella,

“We’re walking to the theatre, of course, going to work, From time to time we slip on puddles turned to ice and curse. We’re following our usual route to perform our customary routine functions. It’s had to carry on when every cell in your brain is desperately shrieking, don’t do this! What’s the point? Just drop everything, run away, be different! Find something else, for heaven’s sake, something new! My legs, meanwhile, continue to propel me forward, along a pavement I’ve walked a thousand times before.

“I glance at the infrequent passers-by, at people in cars with their headlights on. All their faces are crying out the same thing, but all of them are walking, driving, hurrying forwards to a place where they have to be. It’s only in fairy tales that you fall over and become transformed, that you put on seven-league boots and in a trice find yourself in a land far, far away; you make a wish and—whoosh! It comes true. In real life you have to scrape along as best you can. Changes for the better are a matter of luck, and some people never have any.”

Leaving aside the issue of personal motivation, the reader is tempted to wonder if Minusinsk can really be that bad. The city has historical interest. Lenin used to visit during his period of exile in nearby Shushinskaya because, though small, it was a cultural magnet for a large part of south-central Siberia. In the twenty-first century, the theatre which the narrator works at is full of paying customers, night after night, all year round. Some folk seem to be enjoying themselves. You get the feeling that there is a certain amount of self-pity lurking behind the *prose noir*.

Perhaps that explains one of the more interesting themes in this book, namely that the older generation, which had been through the purges of the 1930s, the War and the hungry forties afterwards, are much better at coping with the dislocation

of life caused by the break-up of the Soviet Union than the young people whom Senchin writes about. They grew up in the comfortable penumbra of Brezhnev-era stagnation, with plenty to eat, good educational facilities, and babushkas fluttering around keeping them warm and clean. Now that world has gone, these people are simultaneously discontented and idle.

On one visit to his parents, the narrator's father shows him several ideas he has for raising production from the small plot he farms. The house is cold, his wife is not well and life is without much hope. Yet the old man trudges forward regardless. When the narrator leaves to return to Minusinsk, the old man even gives him money, enough to "keep me going for a long time if I don't drink." The young layabout feels good, not least because the theatre is closed due to an outbreak of flu. Also, his "moronic" room-mate is away so he has the room in the hostel to himself. For the first time in ages he is not debilitated by a lack of money or a hangover. "Perhaps," he says to himself, "I should go out and look for a decent job."

Perhaps?!?!? That single word explains everything. Oblomov himself could not have put it more succinctly.

The idea of moving to somewhere more hopeful is never discussed.

Senchin is a vivid writer and his text has been fluently translated by Arch Tait. I say "fluently", rather than accurately, because I have not read the original, and am conscious of the old (rather chauvinistic) saying about translation being "like a woman" in that if it is faithful it is not beautiful, and if it is beautiful it is not faithful.

**Sociological Perspective in the Context of Usages of
Address forms in Russian Language**

Kaushal Kishore

Speech etiquette formulas, particularly address forms in Russian language, show the speaker-addressee relationship. Apart from this, stratification of society, speaker's psychology and political ideologies also get reflected in Russian address forms. Social and political factors play important role in the use of various address forms.

In order to understand this social phenomenon, reflected in speech, we have to understand various disciplines of social sciences. We will be concerned with the sociological perspective or better to say the interdisciplinary inquiry to understand the reason of a particular usage of an address form in a particular situation. This is an attempt to see Russian address forms through economical, political, philosophical and psychological perspectives.

There are ample evidences from the works of Russian literature of XIX and XX centuries which reflect social stratification, political ideology or philosophy of the speakers in address forms. Our work will be supported with relevant examples.

Language, used in speech, is a fundamental element of all the society, as it allows the members of society to interact with one another. Words, as a basic unit of a language, are not merely the carriers of its grammatical or lexical meanings, but they also convey social information about the speaker. Every language has linguistic items that reflect social characteristics of the speaker, of the addressee or of the relation between them. Thus, speech which contains such items shows the kind of social identity or relationship the speaker and the addressee share. Speech plays many different roles in social interaction. When we speak we make suggestions, promises, invitations, requests, prohibitions and so on. Indeed, through speech etiquette formulas, particularly address form, we show the speaker-addressee relationship. Our area of investigation comes under sociolinguistics as we are dealing with language in relation to society. We are taking in our work address forms, important component of speech etiquette, to show the aspect of social situation in which speaker is using those address forms. We will be concerned with the sociological perspective or better to say the interdisciplinary inquiry to understand the reason of a particular usage of an address form in a particular situation.

As we know that the subject matter of sociology is everywhere. In order to understand the social behavior or social phenomenon, which may be prevalent in speech, we have to understand various disciplines of social sciences. Our work is an attempt to develop a sociological perspective, i.e. interdisciplinary approach in the field of social sciences like history, sociology, political science, anthropology, psychology, sociolinguistics and others to understand a particular pattern of usages in address forms in Russian society. As one disciplinary approach is not

enough to reveal and comprehend the domain of social behavior taking place in speech forms, which is why a multidisciplinary approach is very essential. These social sciences are very much interrelated. Understanding of one discipline requires some amount of understanding the other. In this context the esteemed sociolinguist Richard A. Hudson says:

*The study of speech as part of social interactions has involved many different disciplines, including social psychology, sociology, anthropology, ethology (the study of behavior in animals), philosophy, sociolinguistics and linguistics. Each discipline brings a different range of questions and methods to bear on the study, and all can learn a lot from the others.*¹

This approach is also applicable in investigating sociolinguistic items as in our case we take etiquette formulas. With the help of speech etiquette, particularly the address forms, social relationships, speaker's psychology and political ideologies are being expressed. There are many different address forms used for different people in the same society. Indian linguist Dr. Tarni Prasad clearly raises this issue and talks about the probable reasons for such variations:

*Sociolinguistics is a branch of linguistics which studies the relation between language and society. Language changes its form and structure on the basis of social conditions, for example, social class, gender, religion and cultural groups. A particular social group may speak a different variety of language from the rest of the community. Such a group of speakers comes under the "speech community". The variation in language, as such, may occur due to differences in class or status. The speakers belonging to the educated and higher class may have different way of speaking of the same language in comparison with that of those belonging to the uneducated and lower class.*²

Therefore, it is required to be careful in the selection of words of these kinds. (However, a child inherits this with the kind of his upbringing, social environment where he lives and most importantly quality of education he receives). Special care in selection of words is indeed needed while translating such words from one language into other keeping in mind the socio-cultural inheritance. There are various kinds of people living in the society; they are relatives having blood or marriage relations, close or distant friends, familiar or strange ones. There are either very poor or rich, some of them belong to middle class, many of them have esteemed position in the society and at the same time many of them possesses a high or low status in the social domain. While initiating a conversation with somebody the speaker purposely uses such formulas of speech etiquette specially address forms which, in fact, portray the kind of social affinity they share together,

¹ Hudson R. A: Sociolinguistics. "Cambridge University Press", 1996, pg-108

² Prasad Tarni: A course in linguistics. "Prentice-Hall of India Private Limited", New Delhi, 2008, pg-08.

i.e. they display social norms, etiquettes or also what we say in Hindi “sanskara” of the speaker. The address form also displays the social status of the co-speaker i.e. social stratification is clearly evident in the address forms – the very first word of communication in a civilized world.

It is hard to put our investigation in right direction without the proper understanding of sociological structure where a particular usages of address forms are prevalent, of history i.e. the time period of such usages, of political establishment and its influence over the society which brings them in use, of philosophy behind any such trend of usages, and obviously of the psychology of the users while putting these sociolinguistic items in action.

During the time of absolute monarchy in Russia, especially in XIX century, the society was divided in to numerous strata, i.e. the society was completely stratified. Such stratification can be clearly understood when we analyze society through the prism of economic condition, political-social power and philosophy of the people of that society. Having analyzed the society from the perspectives of different branches of social sciences (like sociology, history, economics, philosophy and so on), we can say that division of society is clearly reflected in address forms (i.e. in the units of sociolinguistics). However, stratification of society is not a new concept but ours is a completely linguistic approach thoroughly supported by interdisciplinary investigation.

There are ample evidences from the works of Russian literature of XIX and XX centuries which reflect social stratification, political ideology or philosophy in address forms. Here are few such examples:

Хлестаков. *Да, я точно прошу руки. Я влюблен.*

Городничий. *Не могу верить, **ваше превосходительство!***

(Гоголь Н.В.: «Ревизор», Изд-во Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения БССР, Минск, 1956, с. 288)

*«Что вы, **милостивый государь**,---продолжал он отрывисто, не знаете порядка? Куда вы зашли? Не знаете, как водятся дела?*

*«Но, **ваше превосходительство**, ... сказал Акакий Акакиевич, ... я **ваше превосходительство** осмелился утрудить потому, что секретари того ... ненадежный народ...*

(Гоголь Н.В.: «Шинель», Государственное учебно-педагогическое изд-во министерства просвещения БССР, Минск,1956, с. 224)

In these works of Gogol we see address forms like “**ваше превосходительство**” and “**милостивый государь**” which tell about different social identities. Going by the historical and political facts we come to understand that in early XVIII century Peter the great introduced “the table of ranks” which

categorically puts government and military ranks in hierarchy. There were all together 14 ranks and each rank was followed with a special address forms. These address forms were: *ваше высокопревосходительство, ваше превосходительство, ваше сиятельство, ваше высочество, ваше величество, милостивейший (милостивый) государь, государь* и др.

In the second example without going in to the details of the story one could say that Important person entertained higher social rank then Akakiy Akakiyovich by just seeing the address forms “*ваше превосходительство*” and “*милостивый государь*”. Again, from the psychological perspective, it is the class difference that allows the Important person to neglect politeness in his speech, though he uses address form as per the table of ranks. Politeness is an important component of speech etiquette without which address form does not fulfill the actual purpose of speech etiquette. Actually the Important person through such behaviour wanted to put impression on his friend and show how important he is. Thus, here we see the social and psychological phenomenon being reflected in the speech of Important person.

– *Порфирий!* – воскликнул толстый, увидев тонкого. – *Ты ли это? Голубчик мой!* Сколько зим, сколько лет!

– *Батюшки!* – изумился тонкий. – *Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?*

Узнав ранг толстого, тонкий обращается к нему...

– *Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.*

– *Ну, полно!* – поморщился толстый. – *Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чинопочитание!*

(Чехов А.П.: «Толстый и Тонкий», Лениздат. 1978, с. 10, 11)

The above passage, taken from Anton Chekhov’s “Fat and Thin”, is an excellent example for such sociological and psychological analysis. The sudden change in the social and psychological behavior of Thin is clearly reflected through change of address forms from “*Батюшки*” to “*ваше превосходительство*”. This change from familiar to formal address was because of the psychology of the Thin who, immediately after knowing Fat’s higher rank in government, considered necessary to behave (verbally and non verbally) in formal way even to his class mate.

«*Товарищи!* – повторил он, черная в этом слове восторг и силу. – *Мы – т люди, которые строят церкви и фабрики, куют цепи и деньги, Мы – та живая сила, которая кормит и забавляет всех от пеленок до гроба...».*

«*Товарищи!* Мы решили, открыто заявить, кто мы, мы поднимаем сегодня наше знамя, знамя разума, правды, свободы!»

(Горький М.: «Мать», «Художественная литература» Ленинград, 1971, с. 53, 133)

Грозной. *Товарищ Панова, прошу переписать срочную бумагу.*

Панова. *Вот товарищ Грозной.*

(Тренев К.: - «Любовь Яровая», <http://ru.wikisource.org>)

In the above examples we find new linguistic changes taking place while addressing people in Russian discourse. These changes, mainly the use of address form “**Товарищ**”, gained more currency during pre and post revolutionary Russia. The philosophy behind this was to bring equality by using common address form for everyone (second example shows . Proletariats, who were making an attempt to form a classless society in the later XVIII and early XX centuries, introduced common address form for everyone (rich-poor, high rank-low rank, male-female) to bring equality not only in society but also in speeches.

Therefore, we arrive to a conclusion that the Russian address forms convey its complete meaning only when they are seen through economical, political, philosophical and psychological perspectives. Though, while investigating sociolinguistic units, we do understand language and society relationship but this type of thorough interdisciplinary approach will bring more accurate and meaningful results and will help us to understand the concept properly.

Bibliography

- Anderson M. L. & Taylor H. F.: Understanding Sociology, Wadsworth, 2007
- <http://reader.boom.ru/form/form.htm>
- <http://www.etikets.ru/talk.php>
- McGreger William B.: Linguistics - An Introduction, Continuum, 2009
- Robinson W. Peter: Language in social worlds, Blackwell Publishing, 2003
- Verma Kiran Singh:- Critic – A Journal of the Centre of Russian Studies, No. 8, “Безэквивалентные формулы речевого этикета русского языка и языка хинди”, JNU, 2009, pages 18-22.
- Акишина А. А., Формановская Н. И.: - Русский речевой этикет, Изд-во «Русский Язык», М., 1975.
- Верещагин Е. М. и Костомаров В. Г.: - Язык и культура, Изд-во «Русский язык», М., 1983.

Lotman, «khudozhestvennost'» and Middl Literature

Indu Shekhar

“Khudozhestvennost'” («художественность») is a fundamental literary concept in the field of Russian literary theory and **“middl literatura”** («миддл литература») is a relatively new concept, emerged and popularized during last two decades after the dissolution of Soviet Union and intricately connected with the new literary trends of contemporary Russian literature. The term ‘middl literatura’ was first used by contemporary Russian literary critic Sergei Chuprinin in 2004 and as described by Alla Latynina plays important role in construction of new literary models. «Художественность» can be also defined as an innate quality of a written text that qualifies it for a literary scrutiny but at the same time it represents hierarchical structure of Russian literature. A close and illustrative elaboration on conceptual understanding of the term ‘khudozhestvennost'’ in the present paper will demonstrate that subsequent hierarchy was ever present in the field of Russian literary theory and maintained by specific literary investigation. Present paper will further elaborate how value judgement/evaluation and hierarchy goes hand in hand with the concept of ‘khudozhestvennost'’.

The present paper engages with two distinct literary concepts whose usages are predominantly restricted to Russian literary culture¹: **“khudozhestvennost'”** («художественность») and **“middl literatura”** («миддл литература»). The former is fundamental in the field of Russian literary theory while the latter is relatively new, having emerged and becoming popular during the last two decades after the dissolution of the Soviet Union. It is also intricately connected to the new literary trends of contemporary Russian literature. Usage of the term ‘middl literatura’ to designate a specific kind of literature has become a bone of contention among several Russian literary critics³. The present paper pursues an enquiry into the intricate relationship of these two terms, although it does not make any specific attempt to justify the use of the term ‘middl literatura’. Rather, it seeks to posit that hierarchal classification of literature requires a new term to represent the new kind of literature being produced in Russia in recent years. Since

¹ As related to literature and literary studies these concepts do exist in general literary studies but there terminological usages restricted to the Russian literary field only.

² The term ‘middl literatura’ (Russian **“Миддл-литература”**) (transliteration would be “Middl-literatura”) was first used by contemporary Russian literary critic Sergei Chuprinin in 2004 in his article ‘Zvonom shchita’, *Znamia*, 2004, No.11, pp. 147-59. Term acknowledges the presence of hierarchy categorized literature that is elevated than mass literature but lower than ‘high literature’. Thus, term signifies a certain corpus of writing that places itself in between of mass literature and ‘high literature.’ Rosalind J. Marsh In his book, *Literature, History and Identity in Post-Soviet Russia, 1991-2006*, used English term “middle” for present concept. In my opinion, meaning has been lost in translation here so the as well as its Russianness, although it is clearly evident that, Chuprinin borrowed this word from English however in English the term ‘middle literature’ signifies European literature of middle ages. Chuprinin uses this term to represent new form of contemporary Russian literature, which is elevated in literary composition and taste than mass/popular literature but not as elevated as so called ‘high/elite literature’. Further in this present work we will use the term ‘middl’ for ‘миддл’.

³ Many Russian literary critics and theorists do not support the use of the term “middle literature” not only because of its non-russian origin but because what the word represent or signifies.

these terminologies primarily apply to Russian literary theory, I would first like to elaborate on the peculiar characteristics of Russian literature and culture.

When referring to the concept of 'khudozhestvennost', one should not get confused and take it for another concept "literariness" («литературность»), which is extensively used by Russian formalists. Roman Jakobson, in 1921, while refuting the methodology of classical literary theory suggested a new subject for literary theory:

The subject of literary science is not literature, but literariness, i.e. that which makes a given work a literary work. Up till now, however, historians of literature have mostly behaved like the police who, when they want to arrest someone, take in everyone and everything found in the apartment and even chance passers-by. Historians of literature have in the same way felt the need to take in everything – everyday life, psychology, politics, philosophy. Instead of a science of literature we have fetched up with a conglomeration of cottage industries⁴.

As a product of formalist literary discourse, the concept of "literariness" was subjected to only language and its classified linguistic uses in a literary work. Marko Juvan in an article on literariness put Jonathnan Culler's argument in the following manner:

"Culler summarizes current, post-Jakobsonian definitions of literariness as a set of traits, objectively present in the text itself, into two basic groups of criteria: typical of literary texts are a special use or, rather, arrangements of language on the one hand, and a particular attitude towards reality on the other⁵".

The subject of Russian literary theory is 'khudozhestvennaya literatura' («художественная литература»). At a superficial level, the concept of «художественность» resembles and quite often appears as a substitute for the concept of "literariness". In a very broad manner, «художественность» can be also defined as an innate quality of a written text that qualifies it for literary scrutiny. Unlike Russian literary theory, Western literary theory simply takes literature as a subject of literary scrutiny. Therefore, before entering into the fathomless depths of literary theory and encountering intricate concepts Western theorist tend to illustrate upon the basic concept such as, what is literature?. There are different points of view about what literature or literary texts are among different literary theorists. One of the leading literary theorists of the twentieth century, Terry Eagleton, in his book *Literary Theory: An Introduction*, tries to formulate a wide range of definitions of literature; from as a subject of literary study to a value judgment. He suggests, that "perhaps 'literature' means something like the opposite: any kind of writing which for some reason or another somebody values high⁶". Russian literary theory conceptualizes the term 'khudozhestvennost' in an almost similar way as Eagleton conceptualizes

⁴ Michael O'Toole, Russian literary theory: from the Formalists to Lotman// in The Routledge companion to Russian literature / edited by Neil Cornwell, Routledge, London and New York, 2001, page 163-164.

⁵ Marko Juvan, *Literary Studies in Reconstruction: An Introduction to Literature*, Peter Lang, Frankfurt am Main, 2011; page 128.

⁶ Terry Eagleton, *Literary Theory: An Introduction*, Minnesota, page: 10.

literature in the previous statement. For Russian literary theorists, the concept of literature is not as problematic as the concept of ‘khudozhestvennost’.

Unlike English literature, where middle literature often represents literature of two different periods: first, the literature of the medieval ages i.e. the entire corpus of European literary works from 300 AD to the end of the 15th century, and second, middle English literature from 12th century onwards to late 15th century; ‘middl literatura’ (middl literature) in Russian represents a hierarchal categorization of contemporary Russian literature and locates itself between elite or classical literature and mass literature⁷. As suggested by the term, it represents literature for the middle class, which is an elevated form of mass literature. It has much wider readership than so-called ‘high literature’ similar to mass/popular literature but simultaneously segregates itself from it by comparatively high literary composition. The term ‘middl literatura’ was first used by contemporary Russian literary critic Sergei Chuprinin in 2004, and as described by Alla Latynina, plays important role in the construction of new literary models. Sergei Chuprinin provides us with the following definition of ‘middl literature’:

*It is a ...type of literature which stratificationally arranges itself between high, elite and mass and entertaining literature; produced by their dynamic interaction and removing their primordial opposition among them. To middle class, with who it shares mutual foundation, "facilitated with an alternative options for high literature, whose assimilation doesn't requires from readers a special moral and intellectual performance, as well as those forms of the popular literature which distinguished by high performing quality and aimed at nothing amusement of the mass"*⁸.

In the words of Rosalind Marsh, it is a particular kind of quality literature which does *not demand intellectual and emotional effort required to read 'quality literature'*⁹.

Conceptual elaboration on ‘middl literatura’ clearly demonstrates the existing hierarchical structure within the unified term of literature. A close and illustrative analysis of the conceptual understanding of the term ‘khudozhestvennost’ further intends to demonstrate that subsequent hierarchy was ever present in the field of Russian literary theory and maintained by specific literary investigation. Additionally, the present paper seeks to manifest the ways in which value judgement/evaluation and hierarchy goes hand in hand with the concept of ‘khudozhestvennost’.

Notable Soviet literary theorist Lotman, in his article “About content and structure of the concept ‘khudozhestvennaya literatura¹⁰”, claimed that “the presence of the «khudozhestvennikh tekstov» («художественных текстов») itself simultaneously implicate the presence of «нехудожественных текстов». Thus the term ‘khudozhestvennost’ signifies a set of specific artistic values that

⁷ See Алла Латынина, Словарь как литературный жанр, «Новый Мир» 2007, №6

⁸ Сергей Чупринин, Звоном чита// «Знамя» 2004, №11

⁹ Rosalind J. Marsh, Literature, history and identity in post-soviet Russia, 1991-2006. Peterlang, Frankfurt am Main, 2007. Page.99

¹⁰ Ю.М. Лотман, о содержании и структуре понятия «художественная литература»//, О русской литературе: статьи и исследования(1958-1993).

differentiate them from *nekhudozhestvennykh tekstov* («нехудожественных текстов»). These artistic value judgments fluctuate in itself according to specific literary texts.

In Russian-English dictionaries, the present term has been translated as artistic merit or artistry. But none of the dictionaries (English) of literary terms has a separate entry on artistic merit. Rather, they include a similar term known as 'literary merit', and in some dictionaries, the latter appears in the context of other entries. For example, *A Dictionary of Literary Terms and Literary Theory* by J. A. Cuddon mentioned it in the reference of the following entries:

Canon A body of writings established as authentic. The term usually refers to biblical writings accepted as authorized – as opposed to the Apocrypha (*q.v.*). The term can also apply to an author's works which are accepted as genuine, as, for example, the Shakespeare Canon. In recent history, the term has been used to refer to a traditional body of texts deemed by the literary establishment to be authoritative in terms of **literary merit** and influence.

Novlette A work of fiction shorter than a novel but longer than a short story (*q.v.*). Often used derogatorily of 'cheap' fiction, sentimental romances and thrillers of popular appeal but little **literary merit**.

Popular novel A loose term for a novel which has a wide readership; it often carries slightly pejorative connotations which suggest a middle- or low-brow 'audience' and imply that such a novel may not possess much **literary merit**.

Further in this paper we shall use literary merit for 'khudozhestvennost'; 'middl literature' for 'middl literatura'; literary/artistic text for «khudozestvennyj tekst» and non-literary/inartistic text for «nehudozestvennyj tekst». On account of the unavailability of adequate literary terms for 'khudozhestvennost' in Western literary theory, 'khudozhestvennaya literatura' has been translated quite often merely as 'literature'; thus we shall use it in transliteration only.

Lotman's article on 'khudozhestvennaya literatura' not only provides us with deep insight into the structure of the concept but also elaborates on its indispensable requirement for literary hierarchy. According to him artistic texts segregate themselves from rest of the texts (it is possible to raise one's doubt about the procedure how to segregate a mass of texts that is non-literary or inartistic from those which are not incorporated in the corpus of literature¹¹) in two manners: functionally and the way texts have been organised.

From the functional point of view, artistic text will be any written text which within the paradigm of given culture, is capable of executing any aesthetic function" and aesthetical functioning of a literary text signifies here the elevation of text, instead of demeaning it, than the ordinary speech". (Artistic) texts obtain additional values/merits by employment of certain codes, thus every artistic text

¹¹. Generally there are two classification of written text: one, which are incorporated or considered as a part of literature or literary practice segregating the others, which are not considered or incorporated as a part of literature. Even among literary practice there are texts which are considered as high or low on literary merit. Thus when Lotman is referring to non-artistic (нехудожественных) texts one can get confused whether he is talking about texts that has been incorporated in the corpus of literature or simple non-literary.

appears in cipher. Any artistic text is ciphered at least twice (and may be more) on the contrary inartistic text only once. One can deduct from here that the divergent point of artistic and inartistic text could be substantiated by profusion of code/ meanings captured by the text:

Any artistic work is enclosed with whole hierarchy of additional codes: epochal, genre related, of style, functioning within the frame of all national collective or narrow group (up to individual), we receive in one and the same text most diverse sets of significant elements and, consequently, get an intricate hierarchy additional meanings against the inartistic text¹².

It is necessary to mention here that the meaning of an artistic text is subjected to constant flux. Meaning of artistic text varies from an era to another depending upon the social, cultural, ideological and psychological outlook of a particular society. Meaning of a literary text can be reoriented around the different readings of the same literary work. Describing the value judgement as a transitive term in reference to a literary work Terry Eagleton pointed out:

'Our' Homer is not identical with the Homer of the Middle Ages, nor 'our' Shakespeare with that of his contemporaries; it is rather that different historical periods have constructed a 'different' Homer and Shakespeare for their own purposes, and found in these texts elements to value or devalue, though not necessarily the same ones.....No work, and no current evaluation of it, can simply be extended to new groups of people without being changed, perhaps almost unrecognizably, in the process; and this is one reason why what counts as literature is a notably unstable affair¹³.

Thus, a literary text does not have any innate value/meaning. Each new interpretation of the literary text for one or another reason deviates from the previous interpretation of same text. That is why it is almost impossible to render the final value/meaning of a literary text. The limitation of verbal meaning to what an author meant and the definition of understanding as the construction of that meaning do not constitute a narrow and purist notion of meaning (signified). Both meaning and understanding embrace a world that can surpass the mental cosmos of any too-limited interpreter and tax his imagination to the utmost. In this regard reading process and evaluating a literary text acquire an objective position which can be contradicted by the position of the author of a particular literary text. Here, it is of seminal importance to present the position of E.D. Hirsh, who noted that, the position of a writer in relation to the value of text changes as well:

¹² Прикладывая к художественному произведению целую иерархию дополнительных кодов: общепоэпических, жанровых, стилевых, функционирующих в пределах всего национального коллектива или узкой группы (вплоть до индивидуальных), мы получаем в одном и том же тексте самые разнообразные наборы значимых элементов и, следовательно, сложную иерархию дополнительных по отношению к нехудожественному тексту пластов значений. Ю.М. Лотман, о содержании и структуре понятия «художественная литература»//,О русской литературе: статьи и исследования(1958-1993).

¹³ Terry Eagleton, Literary Theory: An Introduction, Minnesota, page 10-11.

Authors, who like everyone else change their attitudes, feeling, opinions, and value criteria in the course of time, will obviously in the course of time, tend to view their work in different contexts. Clearly what changes for them is not the meaning of the work, but rather their relationship to that meaning¹⁴.

If literary merit/artistry is vested in the meaning/value of a text, it has to have realized in enciphering, as Lotman suggested. Usage of Certain codes imparts additional meaning/value to the text, which facilitate to realize aesthetic function. Therefore literary merit is not supposed to be totally depending upon the specific linguistic organization (literariness) or upon the social norms and ideology. Process of literary merit could be realized only in mutual exchange of codes between literary text and particular culture.

However, Lotman also emphasis that the process of deciphering will not take place until unless reader acknowledges the presence of literary merit in a particular text:

As soon as the recipient of information will knows that before him there is artistic message, he approaches at once to it absolutely in a special way¹⁵.

Reader must acknowledge that s/he is in the presence of literary text which has some particular artistic merit. Acknowledgement of this fact changes reader's approach towards the text; s/he approaches it in a very careful manner by paying special attention to the discreet codes present in the literary text. This remark of Lotman has been supported by Tz. Todorov in his article "literature is fiction". According to him any written text can be perceived as literary merely with a statement that we study it as a part literature¹⁶. Literary study of any written text validates it as a subject of literature.

But for a reader how is it possible to know beforehand that certain text has been categorized as an artistic text? Lotman claims that to execute artistic function the text has to be constructed/organized in "the certain way". However to consider a text as artistic depends not only on internal organizations, but to a greater extent, depends upon culture of particular time.

Another outside literature component that is essential to the concept of literary merit and its further development into literary theory is requirement of an antitheses or a dichotomous opponent that in present case will be non-literary/inartistic texts and its conceptual development into literary theory. This can be comprehended in following manner; presence of inartistic texts automatically implicates existence of artistic texts, furthermore the conceptual development in non-artistry suggests an additional segregation of certain texts from the artistry sphere. Consequently conceptual segregation and its categorical division in itself allusively indicate further development in the concept of literary merit. Division of texts in certain categories, for example the fiction, inartistic

¹⁴. Eric Donald Hirsch, Validity in Interpretation

¹⁵. Как только получателю информации становится известно, что перед ним художественное сообщение, он сразу к нему подходит совершенно особым образом. Лотман Ю.М., // о содержании и структуре понятия "художественная литература", Лотман Ю.М. избранные статьи. т. 1- таллиннб 1992 с. 203-216

¹⁶. See Тодоров Ц. Понятие литературы, семиотики -М., 1983.

literature, the popular literature, has their own motives. This distribution of texts defines and provides particular assessment of the texts of a certain type and delimits others and thus constitutes hierarchy in literary structure. It is of seminal significance to note down Lotman views on the existing hierarchal structure within the field of literature because it extends present discourse to the second concept «миддил литература»:

“With inclusion (exclusion) of these or those texts from corpus of literature functions another mechanism - hierarchical distribution of literary texts and evaluation of their characteristic. Depending on this or that common cultural position standards for this classification would be thematic norms and norms of style, affiliation of these texts to particular philosophical concepts, submission or violation of the standard rules; but the very principle of the hierarchical evaluation remains invariable: within the domains of literature texts also belong to axiological "high", "low" or some neutral intermediate sphere¹⁷.

Hierarchical segregation excluded considerable amount of the texts from literary scrutiny. Despite the fact that popular/mass literature represents some of very popular and widely read works, none the less quite often these works remain deprived of critical research. Works included in these categories are considered of non-elevated literary taste and remains only as a subject of entertainment. This hierarchical categorisation is also used in the process of canonization of literature. And this intricate nexus of categorization ultimately segregates certain works from literary than non-literary.

In a background where only meritorious literary texts were subjected to literary investigation a term like middl literature can be coined so that it can be suitably fitted in existing literary hierarchy. One of the interesting fact is that all these terms, such as high literature, elite literature, popular literature, mass literature, are more like unwritten fact¹⁸. Present discourse on ‘middl literature’ in Russian literature and theory provides us with an opportunity to investigate literary concepts out the frame of literary hierarchy and thus facilitates the process of democratization of literary theory.

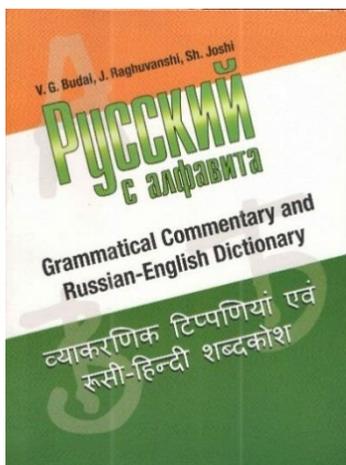
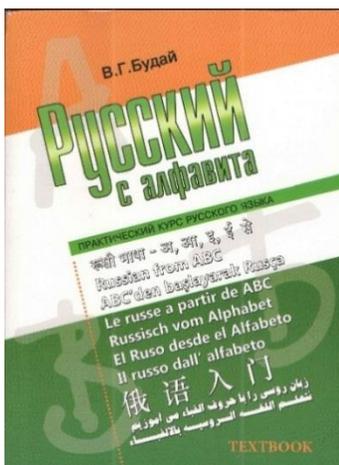
¹⁷ Одновременно с включением (выключением) тех или иных текстов из области литературы работает и другой механизм - иерархического распределения литературных произведений и ценностной их характеристики. В зависимости от той или иной общекультурной позиции за основу распределения берутся нормы стиля, тематика, связь с определенными философскими концепциями, выполнение или нарушение общепринятой системы правил, но неизменен самый принцип иерархической ценностной характеристики: внутри литературы тексты также относятся к аксиологическому "верху", "низу" или некоторой нейтральной промежуточной сфере. Лотман Ю.М., // о содержании и структуре понятия “художественная литература”, Лотман Ю.М. избранные статьи. т. 1- таллиннб 1992 с. 203-216.

¹⁸ Most of the dictionary, for example The Concise oxford dictionary of literary terms(2001) by Charis Baldick; A Dictionary of Literary Terms and Theory(2013) by J.A. Cuddon; Prose literary Terms and Concept (2012) by Kathleen Kuiper; A Glossary of Literary Terms (2009)by M.H.Abrams, Geoffrey Galt Harpham; The Routeledge Dictionary of Literary Terms(2006)does not have a separate entry for these terms, they appear only in reference of other entries

BOOK REVIEW

**«Русский с алфавита» – V. G. Budai, J. Raghuvanshi, Sh. Joshi
 Приложение к учебнику «Русский с алфавита»
 Практический курс русского языка
 Grammatical Commentary and Russian- English Dictionary
 व्याकरणिक टिप्पणियां एवं रूसी-हिंदी शब्दकोश**

Muta Нараян (Meeta Narain)

Учебник «Русский с алфавита», Практический курс русского языка- автор В. Г. Будай, впервые был опубликован в «Издательском центре БГУ» в 2003 г. Индийский вариант этого учебника изготовлен для индийских учащихся в сотрудничестве с Шьямой Джоши и д-ром Джитендром Рагхуванши, которые готовили приложение к этому учебнику. Настоящий вариант учебника опубликован в 2014 г., вместе с приложением.

Основной учебник состоит из двух частей: Вводный Фонетико- грамматический курс и основной лексико-грамматический курс. Приложение к учебнику состоит из грамматического комментария и словаря – справочника на языке хинди.

Учебник «Русский с алфавита», Практический курс русского языка является элементарным практическим курсом русского языка для начинающих, который может быть использован в качестве базового практического курса русского языка на отделениях русского языка и литературы вузов и также на отделениях различных курсах русского языка. Так как учебник изготовлен вместе с приложением, он является очень актуальным для индийских аудиторий. Такой учебник, который разделен на две

основные части, включает все эффективные приемы для передачи основной цели учебника.

Основная цель настоящего учебника состоит в преподавании всяких грамматических конструкций русского языка и в знакомстве с элементарной бытовой лексикой. Цель данного учебника еще состоит в том, чтобы научить иностранца чтение, говорение, восприятие на слух и письму на русском языке и следовательно, подготовить его к общению с носителями русского языка в таких ситуациях, которые происходят каждый день в жизни.

Исключительность учебника состоит в том, что он написан по принципу изучения языка *от простого к сложному*, чтобы иностранец мог бы без труда понять, прочитать, записать и произнести фразы на русском языке и употреблять их в своей речи. В основу учебника употреблен *структурно-функциональный системный принцип*, в соответствии с которым преподавание языка осуществляется на базе самых распространенных структур функциональной грамматики русского языка с его грамматической системы в целом.

Учебник разделен на 21 урок: I – IV уроки- вводный фонетико-грамматический курс, 1-17 – основной лексико-грамматический курс.

Вводный фонетико-грамматический курс включает не только знакомство с русским алфавитом, но также содержит упражнения, которые дают студентам возможность написать русские буквы и произносить звуки по правилам произношения русского языка. Это курс также изучает фонетическую систему русского языка с простейшими конструкциями, которые студенты могут сопоставлять с особенностями родного языка учащихся. Вместе с описанием, все четыре урока первой части красиво иллюстрированы известными русскими и индийскими фигурами, рисунками и картинками. Такой способ преподавания является эффективным для студентов.

Основной лексико-грамматический курс состоит из 17 уроков, каждый из которых разделен на разные части. Эти части подробно знакомят в начале с содержанием данного урока, следовательно он объясняет включенную грамматику с помощью разных упражнений. Эти упражнения составлены в таких формах, которые полностью следует принципу обучения от простого к сложному. В связи с таким принципом, каждый урок начинается так:

Давайте повторим и следуют другие упражнения: **Немного грамматики, Учимся читать текст, Проверьте себя, Учимся говорить по-русски.** Эти упражнения дают материал для преподавателя и студента, чтобы научить грамматику, читать тексты по грамматическим материалам, познакомиться с новыми словами и выражениями и проверять с знанием материала.

Раздели **Улыбнитесь, слова к уроку, слова к тексту, задания по тексту** еще укрепляют знание студента, так как они содержат повторительные упражнения в разных формах, которые студенты исполняют в устной и в письменной форме. Список новых слов в порядке их появления в учебном материале урока - очень важная и полезная часть каждого урока.

Во всех уроках по основным лексико-грамматическим курсам, существуют рисунки, фотографии, картинки, иллюстрации к упражнениям, текстам,

диалогам и шуткам, которые помогают в эффективном усвоении учебного материала.

Приложение к такому учебнику содержит грамматические комментарии и словарь – справочника на язык хинди. Плодотворность такого приложения заключается в том, что оно успешно понятно говорящим на английском и на языке хинди. Упражнения и диалоги страноведческого характера по Индии еще обогащают содержание учебника.

В целом, учебник «Русский с алфавита», Практический курс русского языка и учебник с приложением является очень полезным и эффективным учебником для индийских учащихся, который может несомненно быть использован в качестве базового практического курса русского языка на разных отделениях русского языка в мире.

**«Русский с алфавита» – В. Г. Будаи
Практический курс русского языка
People’s Publishing House (P) Ltd. New Delhi 2014
«Russian from ABC» – V. G. Budai**

CONTRIBUTORS

1. Kalitkina G.V. (Калиткина Г. В.)
 Professor
 Department of Russian Language
 National Research Tomsk State University
 Tomsk, Russia
dasty2@yandex.ru

2. Mikhailova O.S. (Михайлова О.С.)
 Associate Professor (Доцент)
 Department of Russian and standard of speech
 Tomsk State Pedagogical University
 Tomsk, Russia
filologia@inbox.ru

3. Колосова Г.И. (Kolossova G.I.)
 Professor & Head
 Department of Manuscripts and
 Book Monuments of Scientific Library
 National Research Tomsk State University
 Tomsk, Russia
ork_2003@mail.ru

4. Makarova E.A. (Макарова Е.А.)
 Associate Professor (Доцент)
 National Research Tomsk State University
 Tomsk, Russia
elena_mak2004@mail.ru

5. Kostyukova T.A. (Костюкова Т. А.)
 Professor
 National Research Tomsk State University
 Tomsk, Russia
kostyukova@inbox.ru

- Simakova T.P. (Симакова Т. П.)
 Professor
 Department Educational Management
 Institute graduate professional education Moskovskaya region "Academy of
 Social Control"
 Moscow, Russia
ipktmvr@yandex.ru

6. Shyama Joshi (Шьяма Джоши)
 Himachal Pradesh Unviersity
 Himachal, India
shyamajoshirao@gmail.com

7. Thakur S.K. (Тхакур С.К.)
Research Scholar
Centre of Russian Studies
School of Language Literature and Culture Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India
subhash91jnu@gmail.com
8. Ranjana Banerjee
Professor
Centre of Russian Studies
School of Language Literature and Culture Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India
ranjanab1992@gmail.com
9. Megha Pansare
Assistant Professor
Department of Foreign Languages
Shivaji University
Kolhapur
Maharashtra, India
megha.pnsr@gmail.com
10. Vinay Kumar Ambedkar
Assistant Professor
Centre of Russian Studies
School of Language Literature and Culture Studies
Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
vinay.ambedkar@gmail.com
11. Kaushal Kishore
Assistant Professor
Department of Russian Studies
The Maharaja Sayajirao University of Baroda
kaushaljnu5@gmail.com
12. Indu Shekhar
Research Scholar
Centre of Russian Studies
School of Language Literature and Culture Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi, India
indu.crs@gmail.com
13. Meeta Narain (Мита Нараян)
Professor
Centre of Russian Studies
School of Language Literature and Culture Studies
Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
meetanarain@gmail.com

